

к995773

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

Н.Н. ВОРОНИН

ДРЕВНЕРУССКИЕ ГОРОДА

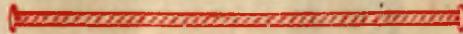

1945

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК ССР

ДРЕВНЕ-
РУССКИЕ
ГОРОДА

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

Н.Н.ВОРОНИН

ЛРЕВНЕРУССКИЕ
ГОРОДА

44455

К995773

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК ССР
МОСКВА - ЛЕНИНГРАД,

1945

Под общей редакцией Комиссии АН СССР по изданию
научно-популярной литературы

Председатель Комиссии академик *В. Л. КОМАРОВ*

Зам. председателя академик *С. И. ВАВИЛОВ*

Зам. председателя член-корр. АН СССР *П. Ф. ЮДИН*

Ответственный редактор
доктор исторических наук
профессор *Б. А. РЫБАКОВ*

Рис. 1. Киев. Софийский собор (реконструкция К. Конанта)

О Т А В Т О Р А

Та книжка рассчитана на широкие круги советской интеллигенции и имеет своей задачей дать самые общие представления о древнерусских городах, их истории и памятниках. Вследствие отсутствия путеводителей по этим сокровищницам национальной культуры и специальных книг, посвященных им, знания этого рода распространены очень мало. Это особенно нетерпимо теперь, в годы Великой отечественной войны, когда фашистские варвары уничтожили величайшие сокровища русской национальной культуры в древнем Новгороде, Киеве, Смоленске, Истре, Чернигове и всюду, где русскую землю топтал сапог немца. Рисуя образы древних городов, автор не исчислял факты немецкого варварства в каждом из них. Их число огромно, и их мы не забудем и не прости: они станут предметом нашего счета побежденному врагу. Поэтому в книге не рассказывается о разрушениях соборов Чернигова, Новгорода, Киево-Печерской лавры и других памятников. Они должны остаться в нашем сознании неоскверненными и живыми, как величайшие непреходящие ценности.

Предлагаемая книжка, естественно, не охватывает всех древнерусских городов: тему пришлось сузить. Последующие страницы посвящены только 12 городам, являющимся, по мнению автора, наиболее значительными или характерными для той или иной эпохи. И все же перед автором оставалась труднейшая задача — вложить эту огромную тему в очень ограниченные рамки. Поэтому пришлось стать на путь сжа-

тых образных очерков, в которых одно из первых мест занимают памятники архитектуры, как наиболее сохранившиеся и яркие следы прошлого этих городов. Естественно, что среди этих памятников древние храмы стоят на первом месте. Они строились из камня и поэтому скорее могли уцелеть от бесчисленных пожаров, уничтожавших начисто деревянные постройки древних городов. Эти очерки, конечно, не похожи ни на путеводитель по памятникам, дающий их подробное описание, ни на историю города, раскрывающую шаг за шагом его прошлое. Всякое обобщение неизбежно таит в себе опасность известного отступления от действительности, которая всегда сложнее и богаче. В своих «портретах городов» автору пришлось пользоваться реконструкциями, фактами общественной жизни, материальной культуры, искусства, литературы и т. п., и специалисты, может быть, найдут на этих страницах те или иные погрешности. В этих отношениях, вероятно, книжка не безупречна, хотя автор и стремился сделать ее достойной той темы, которой она посвящена.

С Т Р А Н А Г О Р О Д О В

На заре истории русского государства норманны, совершившие набеги на Восточную Европу, назвали эту страну Гардаикией — «страной городов». Страной городов она казалась и просвещенным географам и путешественникам — арабам. Сквозь мглу IX—X столетий, скрывающую от нас многое в истории великой русской равнинны, это гордое прозвище как бы предвещает грядущий характер Руси — страны, усеянной большими и малыми «городами» — укреплениями, сторожившими мирный труд пахарей и ремесленников. Недаром в древнем языке «город» не мыслился без крепости, и строить город значило строить крепостные стены. Великая держава первых русских князей, обосновавшаяся на широких просторах между Западом и Востоком, Европой и Азией, росла и крепла, отбиваясь от воинственных соседей, воспитывая дух храбрости и благородства в своем народе. Олег, повесивший свой победоносный щит на воротах пораженного страхом «восточного Рима» — Константинополя, Святослав — подлинный рыцарь без страха и упрека, прорубавший мечом дорогу на Дунай, Владимир I — креститель Руси, строитель «городов» на ее рубежах и основоположник русского государства — вот люди, стоявшие у его колыбели, растившие его воинскую славу и величественную культуру. С именами русских князей и памятью об их подвигах связали свое имя в народной памяти многие древние города России. Народные былины воспели славный город Владимира Красное солнышко — Киев; легенда об образовании Переяславля-Южного связывала его возникновение, вопреки действительной истории, с победой Владимира над печенегами, когда дотоле безвестный юноша-кожемяка сразил в героическом поединке печенежского богатыря; город Ярославль носил имя своего основателя Ярослава Мудрого, Владимир на Клязьме — имя

Владимира Мономаха. Но это была дань народной легенды памяти великих организаторов русской земли. Города, носившие их имена, были старше княжеской власти: они были ровесниками древней истории славянства, гнездами народного труда, ремесленников и торговцев, основывавших свои поселения на перекрестках водных путей, у высоких берегов рек и у больших озер. Князья превращали эти торгово-ремесленные центры в крепости, сооружая стены кремлей и детинцев. Иногда первичной ячейкой будущего города был княжеский замок, пограничная крепость или монастырь, под стенами которого оседало промышленное население.

Однако русские города, игравшие столь выдающуюся роль в обороне страны и защите населения от частых военных невзгод, были очень редки сравнительно с огромными пространствами русской земли и малочисленны сравнительно с широко разбросанными по ее просторам селами и деревнями. Характер страны был земледельческим, и на его фоне с еще большей силой выступает прогрессивная роль древнерусских городов. За их крепкими стенами множились скопления культуры и искусства, созданные поколениями русских людей: здесь строились красивые хоромы знати и храмы, работали мастерские ремесленников и художников, монастыри воспитывали в своих оградах духовных писателей, живописцев и пастырей церкви. Немногое сохранили до наших дней из своего многовекового наследия древние русские города. Внутренние усобицы князей, набеги врагов сопровождались грабежами; частые пожары испепеляли от края и до края деревянные города. История Новгорода насчитывает свыше 100 пожаров; Москва горела в XIII—XV веках в среднем один раз в 7 лет; с XIII по начало XVII века Псков горел 28 раз. Монголы и другие чужеземные орды, вторгаясь смертоносным ураганом, уничтожали произведения древнерусского искусства и литературы. Так, например, уже в XIX веке, в 1869 году, из Финляндии в Академию Наук доставлено было 166 оборванных и полуубогорелых листов из 200 книг, награбленных шведами в начале XVII века в 12 русских храмах и употребленных на переплеты и обертку. При пожарах или нашествиях врага книги сносили в каменные храмы и «наметывали» их до сводов — таково было книжное богатство Руси. Сквозь все эти испытания и бедствия прошла лишь незначительная часть памятников культуры, созданной многими поколениями наших предков.

Теперь фашистские полчища, превзошедшие всех известных историй человечества варваров, вторглись на нашу священную землю; их недолговечное хозяйничанье осквернило

Рис. 2. Киев. Софийский собор. Саркофаг Ярослава

Рис. 3. Киев. Софийский собор. Фреска — Елизавета

Рис. 4. Киев. Собор Печерской лавры. Западный фасад

Рис. 5. Киев. Собор Михайлова-Златоверхого монастыря. Мозаика — Святой Димитрий

ее и смело с лица земли много древних зданий, уничтожило драгоценные собрания древностей, хранившихся в наших музеях, архивах и библиотеках. Известны всему миру чудо-вищные слова приказа гитлеровского генерала-фельдмаршала фон-Рейхенау: «Никакие исторические или художественные ценности на Востоке не имеют значения». Война фашистской Германии против Советского Союза — это война против национальной культуры народов Советской страны, и в первую очередь против русской культуры. Взрыв великолепного собора Ново-Иерусалимского монастыря, разрушение Кремля и других памятников в Новгороде Великом, уничтожение чудесного древнего города Чернигова, взрыв собора Киево-Печерской лавры и другие акты чудовищного и по-немецки тупого и планомерного вандализма оккупантов нанесли непоправимый урон нашим национальным культурным сокровищам. «Новый порядок» на русских землях напоминает историю монгольского нашествия с тою лишь разницей, что столетия монгольского ига принесли меньше разрушений, нежели исчисляемая месяцами немецкая оккупация. Немецкие полчища Гитлера оставили далеко позади кочевых варваров XIII столетия.

Оккупанты осквернили древнейшие области русской земли, связанные серебряным поясом великого водного пути из варяг в греки по Западной Двине, Волхову и Днепру. Эта важнейшая жизненная артерия древней Руси вскормила глубоко своеобразную культуру Киевской державы IX—XI веков, вырастила на своих берегах Киев, Чернигов и Новгород — крупнейшие центры не только русской, но и международной экономической жизни. Культура Киевской державы, развивавшаяся на пересечении торговых путей Востока и Запада, впитывала и перерабатывала лучшие достижения мировой культуры, но основной вклад в культуру Киевской Руси сделала Византия. Превращение христианства в господствующую религию имело огромное прогрессивное значение, облегчив приобщение Киевской Руси к передовой для того времени византийской культуре. Наследие этой блестящей эпохи послужило неисчерпаемым источником культурного и художественного развития периода феодальной раздробленности, когда, в конце XI — начале XII века, на смену «матери городов русских» — Киеву на исторической сцене выступили новые феодальные города, центры самостоятельных княжеств: Галич, Владимир-Волынский, Полоцк, Смоленск, Ростов, Сузdalь, Владимир-на-Клязьме, Рязань, обособившийся Новгород с его «младшим братом» Псковом, а позже, в XIII—XIV веках — Углич, Ярославль, Тверь, Москва, Нижний-Новгород, Кострома и другие.

Значение периода феодальной раздробленности и новых феодальных центров в истории русской культуры огромно. Культура Киевской державы распространилась в глубину Восточной Европы вплоть до глухого Залесья — на берега Оки, Клязьмы и Волги, ставшие колыбелью великорусского народа. Та же киевская культура послужила основой сложения культур двух других ветвей великого славянского племени — украинского и белорусского народов, определив их освященную веками братскую общность с великоруссами. Развитие русской культуры в феодальных городах XI—XV веков приобретало в каждой области особый характер, определявшийся местными природными и социальными особенностями и направлением внешних культурных и экономических связей. Однако верность достижениям прошлого и связь между мастерами и художниками различных областей обеспечивали целостность и единство русской культуры при всем богатстве ее местных выражений.

Советская историческая наука, и в первую очередь советская археология, открывшая за четверть века многие доселе неизвестные блестящие факты культурной и художественной жизни древней Руси, неоспоримо свидетельствуют, что до монгольского нашествия русская культура шла в ногу с культурой тогдашней средневековой Европы, что никакой речи об отсталости России быть не может. Уже в конце XI века в умах лучших людей складываются представления о единстве русского народа, отражающиеся в литературе. В великом поэтическом откровении народных дум — «Слове о полку Игореве» в конце XII века протест против ослабляющих могущество родной земли княжеских усобиц и призыв к единению Руси звучит с особой остротой. Передовые политические деятели XII—XIII веков, князья владимирские и галицкие, пытаются взнудзить феодальную стихию уздей могущественной единой власти, встречая поддержку городского населения, торговцев и ремесленников, кровно заинтересованных в скорейшей ликвидации феодальных рубежей, задерживающих развитие ремесла и торговли. Однако центробежные силы феодализма одержали верх, и перед лицом скованных железной дисциплиной армий монголов Русь оказалась разъединенной. С беспредельным мужеством и героизмом сопротивлялись русские города: оборона Киева, Козельска, Владимира, Рязани и других центров вошла яркими страницами в боевую историю нашего народа. Стремясь обеспечить покорность русских городов, татары раскапывали и сравнивали с землей их могучие валы, сжигали крепкие бревенчатые стены, а русских мастеров уводили в свои кочевья.

Решительное сопротивление русских княжеств в значительной мере ослабило силы татарских полчищ. В 1241 г. они смогли еще нанести поражение войскам венгерского короля, но героическая защита города Оломуца в Моравии и чешское ополчение короля Вацлава заставили татар повернуть назад. Подобно Испании, остановившей нашествие арабов на западе Европы, древняя Русь остановила монголов на ее восточных рубежах, но сама стала жертвой монгольского ига. Однако «татары не походили на мавров. Они, завоевав Россию, не подарили ей ни алгебры, ни Аристотеля» (А. С. Пушкин). Иго варваров стало страшным тормозом развития русской культуры. Задержав ценой великих жертв продвижение татарских полчищ на запад, Россия обеспечила расцвет и быстрые успехи культуры и искусства стран Западной Европы.

Монгольское завоевание, подавив сопротивление городов и затруднив их рост, затормозило поступательное движение русской культуры; татарское иго ослабило страну, целые области которой были захвачены соседними государствами. Вне границ Русской земли оказались Киев и Галич, Смоленск и Полоцк. «В сие время Россия, терзаемая монголами, направляла силы свои единственно для того, чтобы не исчезнуть...» (Н. М. Карамзин). Новгород и Псков отвечали смертельными ударами на попытки немецких псов-рыцарей, шведов, литовских феодалов поработить уцелевшую от татарского разгрома северо-западную Русь: «Русс острил свой меч о меч литовский, дабы низложить монгол» (Н. Полевой). Уже очень рано русские города пытаются начать борьбу с монголами: в 1259 году вспыхивает восстание в Новгороде, в 1262 году — в городах северо-восточной Руси, в том числе в Суздале, Ростове и Ярославле; в 1327 году происходит наиболее крупное восстание в Твери.

Гнет татарской неволи и потребности борьбы с наседавшими на ослабленную страну врагами с огромной силой пробудили объединительные тенденции, давно дорогие самым широким слоям народных масс. Молодые богатые города, выросшие на территории древнего Владимирского княжества, — Москва и Тверь вступили в борьбу за гегемонию в этом процессе, приведшую в конечном счете к победе Москвы. Новгород и Псков стояли в стороне от этого движения: правящие круги этих русских феодальных республик стремились сохранить свою независимость, идя вразрез со стремлениями горожан и крестьянства. Так в истории русской культуры XIII—XV веков обозначаются два своеобразных культурных и политических типа — московско-тверской и новгородско-псковский, так ослабевает характерная для вре-

мени феодальной раздробленности множественность местных оттенков культурного развития и все ярче и сильнее выявляются его общерусские, национальные элементы.

Одновременно с усилением Москвы, постепенно объединившей под своей властью новые и новые феодальные земли, слабела власть татар: внутренние раздоры раскалывали когда-то непобедимую державу Чингиса на враждовавшие между собой ханства. Куликовская победа Димитрия Донского предрешила исход вековой борьбы с поработителями и обосновала предстоящую славу Москвы — столицы объединенного русского государства. Слабела и другая сила, доевшая над духовной жизнью Руси, — Византия; ее могущество отошло в прошлое, завоевание Константинополя турками в 1453 году завершило крушение древней империи и падение ее политического и религиозного авторитета. Лучшие культурные силы Византии уходили на Русь, сюда же устремляло полный надежды взгляд теснное турками балканское славянство.

Все это освобождало творческие силы русского народа, открывало перед ним широкий путь самостоятельного развития, возвеличивало в глазах русских людей силу и могущество «собранной» вокруг Москвы Русской земли. Московский государь Иоанн III вступил в брак с византийской принцессой Софией Палеолог, завязал постоянные политические связи со странами Запада, вызвал в Москву лучших европейских зодчих, оружейников, инженеров. Гордая и величественная политическая концепция Москвы — «третьего Рима», Москвы — наследницы Царьграда и его всемирноисторического значения владела умами людей конца XV и начала XVI веков. Присоединение к Москве до того самостоятельных городов Новгорода и Пскова, Твери и Рязани прекращало их относительно изолированное культурное развитие. Историю Новгорода и Пскова можно закончить этим временем, ибо теперь их культура влилась в общерусский поток национальной культуры. Русские города отдали Москве, ставшей сердцем объединенной страны, лучших мастеров-зодчих, лучшие культурные силы, выращенные ими. «Изумленная Европа, которая в начале царствования Иоанна III едва подозревала о существовании Москвы, зажатой между литовцами и татарами, была огорожена внезапным появлением колоссальной империи на ее восточных границах» (К. Маркс).

Теперь для русских городов создавались условия, олагоприятствующие их росту и расцвету. Москва, а за ней города Поволжья становились средоточиями ремесел и искусства. Иноzemцев поражала кипучая и своеобразная жизнь этих центров, сложность и самобытность развивающейся

русской культуры. Западные правители, обеспокоенные усилением России, стремились помешать ее росту, не пропускали в Москву специалистов — «рудознатцев» и инженеров, засылали разведчиков и соглядатаев. Немецкий шпион Генрих Штаден уже в XVI веке вынашивал план «превращения Москвы в имперскую провинцию», города и деревни которой «должны стать свободной добычей воинских людей».

Русское население областей, оказавшихся в XIV веке в составе Литовского великого княжества, упорно отстаивало свою культурную самобытность и веру; более того, первоначально русская культура стала господствующей в Литве. Но усиление Польши и сближение с ней Литвы, приведшее, наконец, к их объединению в системе Речи Посполитой, поставило под угрозу судьбу русского населения, оказавшегося в тисках национального гнета. Народные массы и частью феодальные круги все чаще устремляются к Москве и их упорная борьба за свою национальную независимость дает почву требованиям московского правительства о возврате исконно-русских областей.

Особенно обострились отношения, когда царь Иоанн Васильевич Грозный, предвосхищая политику Петра I, начал борьбу за выход России к морю. Он успешно освободил течение Волги и открыл путь к рынкам Востока. Но с Европой Россию связывал лишь трудный путь через Северную Двину к первому русскому портовому городу Архангельску. Отсутствие выхода к Балтике тормозило развитие страны. Но на этом пути лежали прибалтийские государства, сменившие на берегах Балтийского моря разгромленный русскими войсками немецкий Ливонский орден и оказывавшие упорное сопротивление. В конце XVI века России пришлось выдержать тяжелую борьбу со шведами и польской армией Стефана Батория, усиленной наемными немецкими и венгерскими войсками. Все это делало русское государство «похожим на военный лагерь, с трех сторон окруженный врагами. Ему приходилось бороться на два растянутые и изогнутые фронта: северо-западный европейский и юго-восточный — обращенный к Азии» (В. О. Ключевский).

В процессе этой борьбы возникали новые линии городов-крепостей, углублявшихся в татарские степи, в леса Поволжья и Заволжья, выраставших по тревожной западной границе. Конец XV и XVI столетий образует своеобразную эпоху в жизни русских городов. Московские цари в грандиозном масштабе возобновляют начатое Владимиром Святославичем укрепление границ всей страны, резко отличное от местных оборонительных систем периода феодальной раздробленности. Позднейшая засечная черта на юге соору-

жалась «для береженья всего Московского государства, а не для девяти деревень».

В начале XVII века польские паны и шведские феодалы снова пытались поработить Россию и вторглись в ее пределы. Сама Москва оказалась в жадных руках чужеземцев. Это время осталось в народной памяти с именем «лихолетья». Как в многовековой борьбе с татарами, так и теперь русские города стали центрами всенародного сопротивления захватчикам, организаторами победоносного изгнания их с русской земли. Ярославль, Вологда, Нижний-Новгород и другие города вписали свои имена в славную историю освобождения родины.

XVII столетие в истории России и ее культуры было преддверием нового времени, связанного с именем Петра I. Завязав с конца XV века тесные связи с Западной Европой, Россия не могла уже сойти с этого пути; он вел вперед от национальной и религиозной ограниченности к общению с другими европейскими народами, от сжатой тисками церковного авторитета мысли — к начаткам научного познания мира. Все это столетие пронизано кипением новых сил: городские и крестьянские восстания обнажают трещины в многовековой твердыне феодального государства, церковный раскол делает предметом общественной критики саму феодальную церковь. В литературе и искусстве нарастает интерес к личности живого человека, к его внутреннему миру и запросам его свободного духа. Русская средневековая культура идет к своему концу, порождая острые противоречия старого и нового. Наступает резкий перелом и в жизни древнерусских городов. Его символом является судьба Москвы, отдавшей на два столетия древнюю славу русской столицы «граду Петра». Ее судьбу разделяют многие старые города. Одни из них входят в новое время как его крупные культурные очаги, другие остаются в стороне от большой дороги истории и живут в патриархальной тени «провинций» Русской империи, лелея память о потухающей славе прошлого, озаряющей древние ветшающие храмы и когда-то грозные твердыни валов и кремлей.

К И Е В

Летопись рассказывает, что полководец завоевателя Руси хана Батыя — Менгу-хан, пришедший с разведывательной целью к Киеву, был поражен величием и красотой города и даже начал переговоры о сдаче Киева без боя, чтобы в пламени пожара и стихии битвы не погибла его красота. Летописцы называли Киев «прелестью мира» и «матерью городов русских». Мерзебургский епископ Дитмар в самом начале XI века был столь поражен Киевом, что растерялся и записал явно преувеличенные данные, якобы в Киеве было 400 храмов и 8 торжищ. В этом рассказе Дитмара Мерзебургского есть доля истины: западноевропейские писатели справедливо называли Киев «соперником Константинополя». Киевский митрополит Иларион (XI век), вспоминая в своей торжественной проповеди первых киевских князей, с гордостью заключил: «Не в худе бо и не в неведоме земли владычествоваша, но в русьской, яже видима и слышима есть всеми коньци земли». Киев приобрел эту мировую славу в конце X и начале XI веков; она неразрывно связана с именем князей Владимира и Ярослава.

Начало Киева было неясным даже для летописцев XI—XII веков; они смогли занести в свои хроники лишь народные предания о трех братьях — Кие, Щеке и Хориве и их сестре Лыбеди, которые положили основание городу. Археологические раскопки советских ученых приоткрыли пелену тумана и легенд: на территории города были обнаружены следы трех славянских поселений VIII—IX веков. Одно из них занимало господствующую над Днепром гору; ее северный край был защищен валом и рвом, за которым вздымались курганы языческого некрополя и на отрогах стоял идол Перуна.

Здесь в X веке обосновались киевские князья, построившие свои хоромы и дружинные гридницы. Киевская гора

господствовала не только над синью Днепра: она становилась центром русской державы, ее границы с юга очертили валы и крепости, о которые разбивался прибой кочевых печенежских орд; с севера Киев прикрывал замок княгини Ольги — Вышгород, с запада — Белгород и Василев.

Уже при Владимире старое Киевское городище стало тесным и князь, порвавший с язычеством, сравнял с землей могилы предков, засыпал древний ров и воздвиг над ними первый каменный храм — Десятинную церковь Богородицы (989—996 гг.). Новый земляной вал с торжественной каменной башней въездных ворот опоясал Владимиров город.

Уже при самом своем рождении он был причудлив и своеобразен: среди полуzemляночных хижин княжеских рабов и ремесленников вздымала свои золотые купола и розово-белые стены Десятинная церковь, окруженная каменными дворцами и живописными бревенчатыми хоромами. На широкой соборной площади Владимир поставил вывезенные из Херсонеса бронзовую квадригу и статуи античных богинь — может быть, по ним площадь стали называть «Бабиным торжком». Здесь скрещивались важнейшие торговые пути Старого Света: шли караваны из глубин степей, великий водный путь из варяг в греки приводил в Киев византийских купцов и воинственных норманнов, здесь бывали арабы и болгары. Поток международной торговли приносил к киевской «Горе» золото и произведения искусства и ремесла далеких стран. В его красочном и многосложном течении кристаллизовались начала русской культуры, сочетавшей глубокие славянские традиции с лучшими достижениями культуры народов Востока и Запада. Киевские ремесленники стали известны далеко за пределами родины: русские мечи ценились на Кавказе, ученый монах Феофил в своем трактате «О различных ремеслах» признавал высокое мастерство русских ювелиров.

Владимир I оставил своим преемникам огромный многоязычный город, далеко перешагнувший своими площадями и улицами за черту Владимира вала. Ярослав Мудрый окружил его новым полукольцом стен с тремя каменными воротами. Через северные ворота шел путь к Вышгороду: через южные, Лядские, дорога уходила в зелень лесных чащ и охотничих заповедников, к загородному двору Владимира — Берестову. Главные Золотые ворота (1016 г.) открывали окованые золоченой медью створы на главную улицу Ярославова Киева и на ряд величественных храмов, затмивших своим великолепием Десятинную церковь. Ярослав хотел повторить Константинополь на горных холмах Днепра, — еще его мудрая прабабка княгиня Ольга сравни-

Рис. 6. Каменнонбродская гривна

Рис. 7. Чернигов. Спасский собор

вала киевскую пристань с лазурным Золотым рогом Константиноя; даже в именах своих храмов — Софии, Ирины, Георгия, Золотых ворот Ярослав вторил Царьграду.

В центре нового города византийские зодчие создали огромный собор Софии — Премудрости божией (1017—1037 гг.). Открытая галерея на арках опоясывала его с трех сторон. С нее открывалась ширь Днепра и манивший к востоку простор степей. Аркада скрывала в своей полутиени тяжко врезавшиеся в землю каменные стены. Храм, казалось, парил в воздухе. Розово-белый от чередования пластов кирпича и камня, он трепетал живописной игрой светотени; золото венчавших храм тринацати куполов ослепительно сверкало под лучами солнца.

Позднее у западных углов храма были пристроены высокие шатровые башни, вмещавшие лестницы, ведущие на хоры¹ храма. Стены лестниц покрывала живопись светского содержания, изображавшая бытовые и церемониальные сюжеты княжеской жизни: здесь чередовались картины охоты и княжеских забав, музыканты, фокусники и скоморохи, с торжественными сценами константинопольского ипподрома. Предание говорит, что Ярослав построил Софию на месте битвы с печенегами: прекрасное и величавое создание человеческого гения народ воспринимал как символ победы; уверенно и легко храм поднялся к небу, завершил княжескую «Гору», стал неотделим от нее и от Киева (рис. 1 и 2).

Входящий в Софию видел сквозь сумрак, образуемый сводами хор, сквозь ряды мерцающих полированым мрамором столбов залитое солнечным светом центральное пространство храма. Строго смотрели со стен огромные портретные изображения князя и его семьи (рис. 3), как живая стояла Анна Ярославна, покинувшая Киев, чтобы стать королевой Франции — «Анной региной». С высоты главного купола склонялся суровый лик Христа-Вседержителя в голубых и пурпурных одеждах с золотыми складками. В глубине алтаря вздымалась огромная фигура Богоматери в фиолетовой одежде и красных сапожках византийской царицы: она молилась, подняв тяжелые руки; ее называли «Нерушимой стеной», хранившей Киев. Сонм ангелов и святых окружал вошедшего; вместо земли под его ногами расстилались холодные узоры мозаичных полов, а над головой, за резными парапетами и аркадами хор, незримый присутствовал на богослужениях киевский князь. И лето-

¹ Хоры — особое помещение для князя и знати в западной части храма, приподнятое на сводах над помещением для остальных молящихся.

писцы, и зодчие говорили об одном — о силе и богоустановленности княжеской власти, о карающем праве княжеского меча.

Когда строилась София, безвестные юристы записывали в княжеских селах суровые законы феодального мира — «Русскую правду»; в темных пещерах, ископанных вне града, уже селились монахи, объявлявшие грехом плотские наслаждения.

Эпоха Ярослава была временем заката Киевской державы. От нее отрывались ставшие самостоятельными феодальные княжества, их столицы оспаривали политические права Киева, к ним постепенно отливалась жизнь.

Но Киев еще полтора столетия шел в челе развития русской культуры и искусства. Могучим центром духовного объединения становится теперь Киевская Лавра — Печерский монастырь. Он занял, подобно Киеву, живописный холм над Днепром, и золотые купола его зданий как бы церекликались из своего зеленого уединения с многоверхими храмами города. Здесь переписывали книги, писали иконы, отсюда выходили виднейшие деятели культуры и церкви. В пещерах первых отшельников и аскетов, ставших усыпальницами, были погребены первый историк Руси летописец Нестор, знаменитый живописец Алимпий, расписавший каменный собор Лавры, авторы назидательных историй о жизни печерских монахов Симон и Поликарп, 12 греческих зодчих, построивших Лаврский собор, врач Агапит, лечивший Владимира Мономаха, и многие другие. В этот пантеон народная легенда ввела позднее и своего родного героя — паломники видели во мраке пещер «под покровом златым храброго воина Илью Муромца... ростом яко нынешние крупные люди; рука у него левая пробита копием».

Лавра сохраняла до фашистского вторжения ряд своих древних зданий, предстающих перед нами в позднейшем пышном и жизнерадостном наряде украинского барокко XVII—XVIII веков (рис. 4). Но сквозь его ткань ясно пропадает все своеобразие суровой архитектуры первого монастырского собора Успения богородицы (1073—1089 гг.). По сравнению с великолепным и сложным храмом Софии, собор Лавры был строг и прост; живописный и изменчивый интерьер¹ Софии уступил место ясно расчлененному пространству шестистолпного храма; его стены еще были украшены в наиболее видных местах драгоценными мозаиками, но по большей части они были расписаны фресковой живописью с ее матовым притушенным колоритом. Если Со-

¹ Внутреннее пространство здания.

фийский собор как бы продолжал своей сложной и живописной массой силуэт городского холма и связывался с землей аркадами своих галерей, то простой геометрический массив монастырского собора был как бы оторван от всего земного. Так же проста и строга, как и Успенский собор, была маленькая четырехстолпная Троицкая церковь над святыми воротами Лавры, воздвигнутая в 1106 году постригшимся в монахи черниговским князем Николой Святошей. Вслед за Печерским монастырем под стенами Киева возник Михайловский Златоверхий (рис. 5) и ряд других княжеских монастырей: Михайловский Выдубицкий, Кирилловский и другие. Многочисленные каменные храмы украсили Киев в XI—XII веках.

От большого количества монументальных росписей XII века Киев сохранил лишь отрывочные фрагменты. Наиболее интересны фрески собора Кирилловского монастыря, в которых с большой яркостью сказывается дух нового времени. Центральное место в росписи занимает композиция Страшного суда, главная дисциплинирующая тема феодальной церковной идеологии и церковного искусства. Условным и отвлеченным становится его художественный язык, замирает движение, сменяющееся церемониальной неподвижностью застывших фигур. Идеалистическое мировоззрение монашества подчиняет себе мысль художников так же, как и зодчих.

Под Киевом и в самом городе строились богатые княжеские и боярские усадьбы. Владимир Мономах украсил прадедовское село Берестово богатой церковью Спаса (конец XI в.); но и на нее дух времени наложил свой выразительный отпечаток: это был сравнительно небольшой дворцовый храм, первый образец церкви феодального двора. С златоверхими теремами двора храм связывался легкими переходами в своеобразное сложное целое, замкнутое кольцом крепких стен усадьбы.

Вместе с центробежными силами, которые, казалось, грозили разорвать единство русского народа и его культуры, рождались силы, сохранявшие ее величие и целостность — это были русские ремесленники, художники и зодчие, воспитанные древним Киевом. Во всех областях творчества мы слышим их крепнущий голос. Народная память сохранила славное имя русского живописца, пещерского монаха Алимпия, украшавшего мозаиками собор Печерского монастыря. Дерзким созданием киевских плотников был огромный мост, переброшенный через ширь Днепра под Киевом; в конце XII века летопись назвала имя русского зодчего Петра Милонега, создавшего сложное инженерное сооружение — каменную подпорную стену под размывавшейся Днепром.

город Выдубицкого монастыря. Под лопатой археологов в киевской древней земле открылись неисчислимые сокровища, созданные киевскими ювелирами и ремесленниками: оружие и орудия промыслов, лампады и многообразные женские украшения, золотые и серебряные гривны (рис. 6) и цепи, кольца и серьги, сверкающие драгоценной эмалью, резные из камня гробницы и украшения зданий, монументальные рельефы, изображающие святых воинов и мифологические сюжеты. Открытые археологами на территории Михайловского монастыря хижины ремесленников XII—XIII веков показали многогранность их деятельности, сочтавшей в одних руках ряд профессий: ювелира, живописца, мастерство художественного литья и т. д.

Культурное и экономическое богатство Киева XI—XII веков нашли своеобразное выражение в обилии находимых на его территории драгоценных кладов, содержащих великолепные предметы пышного убora знати: браслеты и диадемы, цепи и ожерелья. Но эти же клады свидетельствуют о тревожности жизни Киева, заставлявшей часто вверять земле золото и серебро, чтобы сохранить их от разграбления.

История вела судьбу города своим путем. Богатство и древний ореол славы Киева влекли к нему русских князей, сделавших его яблоком кровавого раздора и усобиц. В 1169 году Киев был взят и разгромлен армией владимирского князя Андрея Боголюбского. Это был удар, от которого Киев с трудом оправлялся, но его слава померкла. Ослабленный город вошел в XIII век, когда над степями уже нависала черная тень монгольского нашествия.

В 1240 году Киев был осажден татарами. Началась упорная борьба. Когда была прорвана оборона города и татары хлынули на его улицы, горожане сделали последней крепостью древнюю Десятинную церковь. Своды и стены храма не выдержали тяжести скопившихся людей и страшного обстрела татарских метательных машин — «попроков» и погребли под своими развалинами героических защитников города. Раскопки руин храма, произведенные в 1939—1940 годах, раскрыли трагическую картину борьбы и гибели последних киевлян.

Папский миссионер Плано Карпини, проезжавший через Киев в 1246 году, записал: «Когда мы проезжали по русской земле, то видели бесчисленное множество черепов и костей человеческих в степи. Киев был прежде очень велик и многолюден, а ныне в нем едва ли 200 домов».

Обескровленная монголами южная Русь стала добычей западных соседей. Пределы русских границ отодвигаются

монголами на северо-восток. Но и оторванный от Руси Киев хранил могучее обаяние своей древней культуры. Путешественники и паломники благоговейно осматривали священные камни его храмов; в 1651 году голландский художник Вестерфельд запечатлел город в серии прекрасных рисунков; подобно античному Риму, Киев привлекает пытливые взоры ученых монахов и историков.

В 1667 году Киев вернулся в лоно России: Москва освободила «мать городов русских», и XVII век становится временем нового расцвета города. Оживает культурная деятельность Печерской Лавры; основанная в 1617 году типография Лавры становится центром объединения литературных и художественных сил Украины. В конце XVII века Лавру опоясывает огромная стена с шестью башнями-храмами; в XVIII веке строятся нарядные и грандиозные колокольни Лавры и Софийского собора. Киевские митрополиты тратят огромные средства на восстановление разрушенных храмов и строительство новых. Древние здания Киева, свидетели его тысячелетней истории, одеваются в XVII—XVIII веках в пышную одежду украинского барокко. Талантливый московский зодчий Осип Старцев строит в 1690—1693 годах великолепные соборы Братского и Никольского монастырей. В XVIII столетии по проекту Растрелли была выстроена изумительно изящная и стройная Андреевская церковь. И в XIX веке Киев привлекал великих русских мастеров искусства. На сводах хор Кирилловской церкви Врубель написал свое монументальное «Сошествие св. духа». Роспись Владимирского собора, в которой объединили свои разнородные, но одинаково своеобразные и глубокие творческие силы В. М. Васнецов и М. В. Нестеров, как бы замыкала цепь высоких творений русского искусства на почве Киева.

Киев — не только столица советской Украины и ее культурный и политический центр, это величественный музей истории родины. Советские ученые обогатили его новыми находками произведений народного гения: советские реставраторы раскрыли новые циклы древних фресок Софии и других храмов; археологи неизмеримо обогатили историю Киева новыми открытиями вещественных памятников.

ЧЕРНИГОВ

Черниговам, где синяя Десна круто поворачивает к югу, спеша слиться с могучим течением Днепра, при устье речки Стрижня, лежит древний Чернигов. Как многие старые русские города, он занял описанный водами двух рек треугольник, укрепив дополнительными сооружениями напольную сторону. Чернигов назван впервые в начале X века в Олеговом договоре с Византией, по которому на город шла часть контрибуции, платившейся Руси греками. Уже в это время Чернигов был крупным многолюдным городом земли северян, в нем, как и в других русских городах, сидели «велиции князи под Олгом суще».

За его валом к западу и юго-западу располагался обширный языческий курганный некрополь IX—X веков, насчитывавший сотни могил горожан со скромными насыпями; среди них возвышались высокие курганы могил черниговской знати. Величественную Черную могилу народная легенда связывала с именем мифического основателя Чернигова князя Черного. Ее раскопки открыли сложный и богатый ритуал погребения X века славянского вождя-воина; владельца больших сокровищ и многочисленной челяди — рабов. Под насыпью кургана сохранились следы огромного погребального костра, в пламени которого вместе с трупом вождя были сожжены его слуги и любимые рабыни: он уходил в загробный мир, унося привычную обстановку земной жизни. В огне спеклись богатое вооружение, украшения, предметы домашней утвари и драгоценная посуда, монеты и остатки пищи. Среди находок особое место занимают два турьих рога, служившие кубками на пирах, окованные по краям серебряной вызолоченной оправой с черневым и тисненым рисунком. Великолепный орнамент первой оправы свидетельствует о знакомстве северянского

ювелира с искусством арабов; в обход беспокойных степей с Десны на верховья Оки шли торговые связи Чернигова с далеким Востоком. На второй оправе изображена сцена охоты, в которой наряду с реальными существами присутствуют и сказочные грифоны. Это — древнейший памятник славянского изобразительного искусства, проникнутый глубоким своеобразием художественного языка и содержания. В древности Чернигов окружали леса. Еще в конце XI века Владимир Мономах ловил здесь диких коней, бил туров, лосей, оленей и вепрей, а черниговские князья XII века дарили другим, драгоценных охотничих зверей — «пардусов» (барсов).

При Владимире I Святославиче Чернигов входил во владения киевских князей. Одновременно с Киевом Чернигов стал христианским городом и получил епископа. В начале XI века в Чернигове уже появились греческие зодчие, приглашенные князем Мстиславом для постройки городского собора. Владения Мстислава выходили в половецкую степь и простирались на далекую русскую Тмутаракань на берегу Черного моря. Мстислав хотел сбросить киевскую опеку и вступил в борьбу с братом Ярославом; Лиственская победа (1024 г.) освобождала ему путь к Киевскому престолу, но он предложил разделить Русь по Днепр, оставляя Киев и правобережье Ярославу. Чернигов должен был стать столицей левобережной северянской Руси. Для нее широко и пышно был задуман городской собор Спаса. Но Мстиславу не суждено было увидеть собор завершенным: он умер в 1036 году, когда стены собора были возведены на высоту стоящего в седле воина. Храм достроил Ярослав Мудрый, ставший во главе снова объединившейся в его руках Киевской державы (рис. 7).

В 1037 году была окончена киевская София: черниговский Спас был после нее наиболее пышной постройкой Киевской Руси. Продолговатый корпус храма венчался пятью куполами, образовавшими торжественную пирамиду высокой цилиндрической средней и пониженных граненых угловых глав. С запада к храму примыкала монументальная круглая башня с лестницей для входа на хоры, завершавшаяся золоченой остроконечной кровлей, и маленький храмик-крестильня. У восточных углов собора были пристроены миниатюрные храмы-усыпальницы, в которых похоронились члены княжего дома. Так собор приобрел характер сложной композиции соподчиненных частей. Как и в Софии киевской, фасады собора оживлялись игрой света и тени в нишах и впадинах окон, двуцветным чередованием рядов песчаника и кирпича с широкими лентами известко-

вого раствора. К красочному эффекту фасада присоединялось золотое свечение куполов и свинцовых кровель. Внутри храм был богато освещен; свет падал на полированный камень пола, карнизов, орнаментированных балюстрад хор, мрамор несущих их боковые ветви колонн (рис. 8). Мозаика и фреска покрывали стены и своды. Открытое советскими реставраторами изображение святой Феклы характеризует высокое мастерство работавших в Чернигове греков: в правильности и красоте форм тела, в импрессионистической лепке деталей, в тонкой одухотворенности нежного лица с маленькими губами звучат еще отголоски традиций эллинистической живописи.

Спасо-Преображенский собор, столь близкий по своему духу киевской Софии, был первым и последним памятником блестящего искусства Киевской державы на почве Чернигова. В 1054 году Чернигов выделяется из ее пределов, князь Святослав Ярославич становится родоначальником черниговских князей, владеющих юго-восточным краем Руси от Мурома и Рязани до отрезанной половецкой степью причерноморской Тмутаракани. Среди князей XI века знаменит сын Святослава Олег, проведший всю жизнь в непрестанных усобицах с Всеволодом и Мономахом, побывавший в ссылке в Константинополе и на острове Родосе, бежавший на Русь и водивший войска в далекие земли Мономаха, к Ростову и Суздалю; это была одна из самых длительных феодальных войн, стяжавшая Олегу укоризненное прозвище «Гореславич».

В XI веке усиливает свою работу церковь. За чертой городских валов в окружении языческих могил возникают монастыри — Елецкий и Ильинский. Им приходится вести напряженную борьбу с язычеством: собор Елецкого монастыря, построенный во второй половине следующего XII столетия, еще имеет специальное помещение крещальни. Сравнение Елецкого храма с собором Спаса свидетельствует о том же новом движении в зодчестве, носителями которого были киевские монастыри конца XI столетия. По своему типу Елецкий собор подобен собору Печерской Лавры (рис. 9). Простой и строгий, он освобождается от всего связывающего его с миром; даже крещальня убрана во внутреннее пространство собора, ограниченное от окружающей среды простыми, обнаженными снаружи стенами. Лишь почти незаметный поясок арочек бежит по их глади, мерно расчлененной полуколоннами пиластр¹, увенчанных

¹ Вертикальные членения фасадов, отвечающие в древнерусском зодчестве расположению внутренних столбов.

Рис. 8. Чернигов. Спасский собор. Интерьер

Рис. 9. Чернигов. Собор Елецкого монастыря

Рис. 10. Смоленск. Церковь Михаила Архангела (реконструкция по Н. И. Брунову)

Рис. II. Федор Конь. Смоленский кремль. Башня

резными романскими капителями. Стена больше не трепещет игрой полос кирпича и извести: однообразная кирпичная кладка прикрыта побелкой, белые стены резко выделяют здание из ландшафта. Торжественное золотое пятиглавие сменяется строгим одноглавым верхом. Неподвижным и замкнутым выглядел храм монахов и отшельников. Расположенный неподалеку храм Ильинского монастыря (XI—XII вв.), крайне искаженный позднейшими перестройками, был маленькой одноглавой капеллой и не играл, по сравнению с Елецким собором, большой роли в духовной жизни города, несомненно богатой и сложной в XI—XII веках.

На черниговском княжении сидели известные своей любовью к «книжному почитанию» Святослав и Всеволод Ярославичи, Владимир Мономах, уделивший в своем «Получении» немало строк своим черниговским впечатлениям. Страстной любовью к книгам отличался черниговский князь Святослав Давидович (Никола Святоша), променявший шум битв на уединение кельи и сладость книжной мудрости. Вероятно, черниговским уроженцем был игумен Даниил, описавший свое путешествие в Царьград и на православный Восток (1106 г.). В летописании других областей вскрываются следы черниговских летописных трудов. Но все это — лишь слабые намеки, поблекшие следы яркой действительности...

✓ Бурная историческая жизнь города унесла с собой не только хрупкие листы древних рукописей, но и многие памятники древней архитектуры. Так, исчезла церковь Михаила, построенная в 1174 году на княжом дворе; неизвестно перестроен храм Бориса и Глеба, созданный князем Давидом Святославичем в начале XII столетия. Исчезли и древние валы детинца, уже в XI веке опоясавшие княжеский участок города около Спасского и Борисо-Глебского соборов и княжего «красного двора». Лишь слабые следы остались от пояса «окольного града», охватившего разросшийся посад, населенный многочисленными ремесленниками различных специальностей. Раскопки приносят драгоценные, но отрывочные документы истории культуры Чернигова до монгольской поры: великолепные изделия из золота и серебра ювелиров, снажавших знаменитым «черниговским узорочьем» даже далекие храмы Рязани, многообразный боевой и хозяйственный инвентарь XI—XII веков, изготовленный городскими металллистами, предметы бытового обихода и т. п. На берегу р. Стрижня были открыты развалины придворного храма великого князя Святослава (1186 г.), богато украшенного мозаиками, фресковой живописью и узорчатыми майоликовыми полами: политическое

могущество Святослава обращало его мысль к царственному величию храмов эпохи Ярослава.

Но рядом с этим стремлением к подражанию памятникам Киева в Чернигове XII века усиливается интерес к искусству романского запада с его пластикой «звериного стиля», скульптурными образами человека, животного и сказочного мира. Найденные в Чернигове загадочные фрагменты резных камней с изображением птицы, запутанной в ременном плетении орнамента, вторят романским ароочным поясам, плетению резных капителей Елецкого собора и древним мотивам серебряной оправы туриего рога из Черной могилы. На алтарных апсидах¹ церкви Пятницы, построенной на городском торге, появился характерный романский пояс колонок, истолкованный русскими зодчими как плоскостный фриз вертикалей.

Чернигов был культурной и художественной мегрополией своей обширной земли: отсюда передавались на рязано-муромскую Оку и в приморскую Тмутаракань книги и художественные произведения, продукты ремесла и самые ремесленные навыки. Вероятно, черниговские зодчие строили храмы древней Рязани, открытые раскопками XIX века на огромном Старо-Рязанском городище на Оке: они отмечены тем же сочетанием красного кирпича и резных из белого камня деталей и рельефов, характерным для черниговского зодчества; так же почти до конца XII века во внутренней отделке зданий применяли рязанские зодчие драгоценную мозаику.

При обширности и сложности своего состава, при многочленности княжего дома, — Черниговская земля рано распалась на отдельные феодальные княжества, а ее история в XII веке стала летописью нескончаемых усобиц. Они дали тему пророческого «Слова о князьях», в котором черниговский проповедник обличал преступность княжеской розни. Поражение Игоря Святославича половцами, воспетое в горестных строфах «Слова о полку Игореве», повысило взволнованный голос народного певца до тревожного клича, звавшего князей к единению.

Несмотря на яростную оборону города, Чернигов был взят татарами. Они разрушили его укрепления; жадные до золота и серебра, они расхитили накопленные за три столетия сокровища и тонкие произведения ювелиров; они уничтожили памятники черниговской письменности. Гордый отказ вызванного в ханскую ставку черниговского князя

¹ Полукруглые или граненые выступы с восточной стороны храма, в которых помещался алтарь.

Михаила исполнить татарский обряд очищения огнем вызвал ярость татар: князь и его старый боярин Федор были казнены. Порознь, враждя между собой, пытались бороться с баскаком Ахматом мелкие князья черниговщины конца XIII века — Олег рыльский и Святослав липецкий; рознь привела их к гибели. Ослабленный черниговский край Украины переходит под протекторат Литовского княжества, а позднее подпадает под власть Польши. Освобожденный в середине XVII в. Чернигов снова оживает — обновляются и украшаются его древние храмы. Как и в Киеве, древние стены соборов облекаются в декоративные формы украинского барокко: трудно различить следы XII века в церкви Пятницы с ее новыми нарядными фронтонами, неузнаваема скромная монастырская церковь Ильи, отягченная фигурами главами. В доме XVII века с богато обработанными фасадами до войны помещался Черниговский музей, богатейшие коллекции которого отражали всю многовековую историю города и его края.

СМОЛЕНСК

одобно Киеву, Смоленск лежит на высоких холмах над Днепром. Начало его истории связано с жизнью крупнейшего славянского племени — кривичей, занявшего в VI—IX веках верховья Днепра, Волги и Западной Двины и простиравшего свои границы на север до Пскова. Это был водораздел рек великого пути из варяг в греки. Эти реки питали силу и многолюдность славянских поселений по своим берегам: одна из летописей сообщает, что в середине IX века варяжская дружина во главе с Аскольдом и Диром, спускавшаяся по Днепру к Киеву в очередной поход на Царьград, не посмела захватить Смоленск, «зане град велик и мног людьми». На берегу Днепра ниже Смоленска, у устьев речек Свинки и Ольши действительно сохранились следы двух обширных поселений X—XI веков, состоявших из укрепленных валами «кремлей» и окружавших эти кремли селища.

Поблизости от них был расположен обширный курганный могильник — языческое кладбище, насчитывавшее до 4 000 насыпей, под которыми покоились останки сожженных на погребальных кострах славянских воинов. Самый большой курган около 10 метров высотой и 100 метров в окружности содержал погребение знатного смоленского вождя, возможно, князя, сожженного вместе со своими рабами и рабынями. Здесь же находились его железный шлем, два щита, копье и тяжелый меч; рядом, под особым малым курганом, был погребен княжеский боевой товарищ — конь. Большой Гнездовский курган — смоленский двойник черниговской Черной могилы — это величественные земляные «пирамиды» дружинной Руси. Рядовые курганы были также могилами воинов. Небольшие насыпи хранят их пепел, стрелы, широкие боевые ножи, кольчуги, мечи. В честь воинов, погибших на чужбине, насыпались курганы; насыпавшие их веровали, что

хотя прах воинов тлел вдали от родины, но дух их оставался в кругу усопших собратьев. В курганах находят не только оружие, но и византийские и арабские монеты, произведения прикладного искусства Ирана и различных районов Руси: узел водной системы Восточной Европы делал древнейший Смоленск важнейшим торговым центром. Византийский император Константин Багрянородный (905—959 гг.) описывает, как весной, по вскрытии рек, из Новгорода, Смоленска, Чернигова спускаются флотилии долблевых ладей-однодеревок, чтобы, собравшись у пристаний Киева, двинуться с товарами к рынкам Византии.

Город быстро рос; в XI веке богатства Смоленской земли привлекают взоры южных князей; в конце XI столетия Смоленщина закрепляется за Владимиром Мономахом и его родом; повидимому Мономах и избрал для будущей столицы Смоленской земли высокие холмы над Днепром, на которых расположился современный Смоленск. На вершине городской горы Мономах строит в 1101 году обширный собор Успения Богородицы (его древние фундаменты были обнаружены незадолго перед Великой Отечественной войной) и окружает город валами и рвами; при сыне Мономаха Мстиславе в 1137 году учреждается епископия и город становится столицей Смоленского княжества. Оно живет в сфере торговых и политических интересов всей Руси; отсюда по Двине идет оживленная торговля с Западной Европой. Великий Новгород и Киев чувствуют значение Смоленска — его князья пытаются захватить власть на Волхове и Днепре, входя в союз со своими могущественными родичами — владимирскими князьями. Они воинственны и смелы, о них сувальские бояре отзываются с боязливой похвалой и уважением «(смоленские князья) мудри суть и рядни и хоробри, а мужи их новогородци и смоляни дерзи к боеви».

Смоленские князья развили большую строительную деятельность и щедро украсили родной город прекрасными каменными храмами; современник с удивлением отметил их «любовь несытну о зданных». Городской холм Смоленска увенчивал собор Мономаха. Наследники Мономаха спустились в городское торговое и ремесленное предместье в устье речки Смядыни. Здесь был основан княжеский Борисоглебский монастырь с небольшой церковью Спаса и «великой церковью», посвященной князем Ростиславом памяти святых князей Бориса и Глеба. Благочестивое предание связывало гибель Глеба от руки убийц со смоленской Смядыни: Смоленск был причастен к общерусскому национальному культу, и Смядынь стала именоваться «вторым Вышгородом». «Великую церковь» в конце XII века окружила пристроен-

ная с трех сторон галерея, в которой погребались смоленские князья. В архитектуре смоленских храмов, развалины которых сохранились до наших дней, ясно сказывается связь с киевской строительной традицией; они были украшены сверкающими майоликовыми полами и фресковой живописью.

Во второй половине XII века крепнут западные торговые связи Смоленска, обогащая его культуру, в самом городе живут иноземные купцы, построившие здесь свою церковь. В зданиях этого времени — церкви Иоанна Богослова, построенной князем Романом и богато наделенной золотой, украшенной эмалью утварью, в церкви Петра и Павла, бывшей приходом корпорации смоленских купцов «Петровского ста», смоленские зодчие тонко используют понравившиеся им декоративные приемы романской архитектуры. В целом же они создают вполне своеобразные памятники, которые выделяют смоленскую художественную школу среди других областных ветвей русского зодчества. Смоленский храм оченьщен и пластичен, массивные полуколонны членят его фасады, по глади стен тянется простой и изысканный поясок арочек, заимствованный у зарубежных зодчих. У некоторых храмов были порталы, выложенные из лекального кирпича, из кирпича выкладывались и фигуры крестов, украшавшие верхи стен.

Каждый кирпич смоленских храмов и их развалин — своего рода исторический документ; он несет разнообразные знаки и клейма смоленских ремесленников-кирпичников и зодчих, свидетельствуя о сложности их ремесленной организации. Письменные источники говорят нам о высоком уровне городской культуры Смоленска, о вечевых собраниях и конфликтах населения с князьями, вынужденными под давлением горожан, подобно новгородским князьям начала XII века, вынести за город свою резиденцию. Здесь князь Давид строит в конце XII века замечательный княжеский храм Михаила Архангела, удививший современников красотой своей архитектуры. Он был очень высок и просторен, в нем, повидимому, не было хор и свет свободно заливал его пространство, играя на богато украшенной золотом, жемчугом и драгоценными камнями утвари и иконах. Столь же эффектны были его наружные формы: величественное тело храма, усиленное мощными выступами высоких притворов и алтарной апсиды, завершалось трехлопастными очертаниями; сложные пилasters увлекали глаз зрителя ввысь, к венчавшей здание легкой главе. Этот смоленский храм стоит в ряду тех памятников искусства XII—XIII веков, в которых русский национальный гений смело отрывался от старых киево-византийских художественных норм и создавал свой идеал прекрасного (рис. 10).

Смоленск был также одним из передовых центров проповеди; предания и источники говорят о высокой образованности и любви к книгам смоленских князей. Из Смоленска вышел ученый монах Климент Смолятич, ставший в 1147 году вторым после Илариона русским по происхождению митрополитом, поставленным без воли константинопольского патриарха, вопреки сопротивлению греческой церкви; он был выдающимся книжником и философом, прекрасно владевшим греческим языком и церковной литературой, которой были богаты смоленские монастырские библиотеки. Еще более яркой фигурой XII века является Авраамий Смоленский. Покинув мирскую жизнь, он ушел в пригородный монастырь и отдался изучению и переписке книг и искусству живописи. Здесь он прославился как выдающийся проповедник, стяжавший любовь не только у княжеско-боярского общества, но и у горожан, ремесленников и холопов. Зависть духовенства и опасность речей Авраамия повели к клеветам, обвинению в ереси и суду над ним городского веча, оправдавшего своего любимца. Однако перенесенные мытарства сломили дух Авраамия, и он окончил дни в мрачных размышлениях о загробном мире и страшном суде.

Авраамий умер в двадцатых годах XIII века, незадолго до татарского нашествия. Любимый им Смоленск избежал ужасов непосредственного разгрома, он даже нашел силы для помощи Новгороду в борьбе с немцами. Под первыми впечатлениями боев с татарами возникла сказочная новость о героическом подвиге воина Меркурия, остановившего врагов, обезглавленного в бою, принесшего свою отсеченную голову в город и завещавшего ему свое победоносное оружие как залог победы над врагами.

«Легенда смоленская, как бы предвещая Мамаево побоище, проникнута фанатической враждою к неверным и героическим сознанием о возможности победы над ними» (Ф. И. Буслаев).

Тревожное обращение народной мысли к чудесному отражало крайне сложную историческую обстановку Смоленска в XIII веке. На восток лежала обескровленная и пораженная Русь; на севере шли ожесточенные битвы Новгорода на русских границах; на западе, отбиваясь от агрессии немецких рыцарей, борясь с соседними польскими феодалами, крепло Литовское княжество, втягивая в свою борьбу часть русских земель. В этих условиях обладание Смоленском играло немаловажную роль. Однако Смоленск и его земля еще держались: внешняя опасность сплачивала народные силы.

Лишь к концу XIII века Смоленщина слабеет: в XIV веке она оказывается между двумя могущественными княжества-

ми — Московским и Литовско-Русским, а в 1404 году литовский князь Витовт овладевает древним Смоленском. Его княжение было временем политического расцвета литовско-русского княжества: литовско-русские войска нанесли страшное поражение немецким рыцарям в битве под Грюнвальдом (1410 г.). В ней особенно отличились смоленские полки, необычайная стойкость которых решила победу над немцами. Успешной была и борьба с татарами. Однако под польским влиянием в Литве усиливался национальный гнет и поднялось гонение против русской веры и народных обычаев, вызывавшее ненависть и сопротивление различных слоев русского населения. В 1440 году в Смоленске вспыхнуло восстание «черных людей», жестоко подавленное польско-литовской знатью. Но и в эти тяжкие времена не гаснет русская культура; из-под пера смоленских монахов XIV столетия выходят описания их путешествий на православный Восток и в Царьград. В конце XV века смоленские писцы и художники создают драгоценную копию с иллюстрированной владимирской летописи 1212 года (так называемую Радзивилловскую летопись).

Готовясь к неизбежной борьбе с Московским государством, литовско-польское правительство усиленно укрепляло Смоленск, превращая его в первоклассную крепость: насыпались новые валы, возобновлялись стены; валы, по словам современников, были так высоки, что из-за них были едва видны кровли зданий. Но борьба началась лишь в первые годы XVI века. В 1500 году московский полководец Даниил Холмский разгромил литовско-польские войска в битве на реке Ведроши и русские рати заняли часть смоленских земель. В 1513 году сам московский государь Василий III повел войска к Смоленску; две осады выдержал литовско-польский гарнизон, а 29 июля 1514 года под стенами Смоленска заговорили 300 пушек русской артиллерии; пушкарь Степан нанес большой урон врагу, после чего Василий III приказал открыть огонь по городу со всех сторон. Сопротивление врага было сломлено.

Смоленск, ключ Поднепровья и важнейший русский город на путях во внутренние области русского государства, был освобожден и вернулся в руки Москвы. Иноzemные наблюдатели конца XVI века ясно оценивали огромное стратегическое значение Смоленска: англичанин Флетчер приравнивал его к Пскову, Казани и Астрахани. Он был одним из крупнейших городов тогдашней Европы и насчитывал 20 тысяч жителей. Польско-литовские феодалы не оставляли надежд на его возвращение: в 1535, 1564, 1579 годах валы и бревенчатые стены Смоленска видели польско-литовские войска.

Рис. 12. Новгород. Софийский собор

Рис. 13. Новгород. Мастер Петр. Собор Юрьева монастыря

Рис. 14. Кратир Софийской ризницы

Рис. 15. Новгород. Софийский собор. Магдебургские врата. Деталь

Рис. 16. Новгород. Церковь Спаса Нередицы

В 1595 году в Смоленск был послан знаменитый русский горододелец Федор Савельевич Конь, только что опоясавший Москву гигантской стеной Белого города, длиной в 9 километров с 28 башнями. Постройке смоленской каменной крепости придавалось огромное государственное значение: предвосхищая меры Петра, запретившего на время строительства Петербурга каменные постройки в других городах, чтобы сосредоточить все строительные силы в новой столице, Московское правительство строило твердыни Смоленска «всеми городами Московского государства». Смоленские кирпичники и гончары подготовили огромное количество тяжелого кирпича, за 200—350 километров от Смоленска жгли известь, ломали камень и везли их настройку. В исключительно короткий срок — 5 лет — Федор Конь создал могучие стены Смоленска около 7 километров длиной, при высоте до 14 и толщине до 5 метров; старые валы частично остались позади новых стен, образовав вторую линию обороны; соборная гора также сохранила древние укрепления, ставшие цитаделью города. 38 прямоугольных и граненых «круглых» башен с 9 воротами образовали главные оборонительные узлы каменной стены; навесные бойницы, двойные створы ворот, падающие решетки и подъемные мосты делали ворота неприступными. Башни были увенчаны высокими шатровыми кровлями, стены были выбелены, а горизонтальные тяги окрашены красной краской. Стены были обращены внутрь города множеством арок, несших широкую, огражденную зубцами бруствера боевую площадку; город с его живописными жилищами и храмами был как бы заключен в монументальную раму. Борис Годунов с гордостью называл это детище своего царствования «ожерельем России» (рис. 11).

В грозные годы борьбы с польско-шведскими интервенциями Смоленск оправдал вложенные в него труды, задержав у своих стен одну из крупнейших армий польских захватчиков и облегчив положение Москвы. Двадцать месяцев смоленский воевода боярин Михаил Борисович Шеин со смоленскими воинами и горожанами оборонял город от обложившей его 28-тысячной армии Сигизмунда; у «пушечного наряда» стояли смоленские ремесленники Сенька-кузнец, Анфимка-мясник, сапожник Кондрашка и многие другие герои обороны 1609—1611 годов. Они мужественно отбивали яростные приступы, восстановливали разбитые стены, с беспримерной стойкостью переносили муки голода и болезни, гордо отвергая предложения о сдаче. Их дух укрепляли воля воеводы и горячая проповедь смоленского архиепископа Сергия. Только гнусное предательство боярского сына Андрея Дедишина, перебежавшего к врагу и указавшего слабый участок город-

ских стен, отдало город в руки врага. Но и самая его гибель навела ужас на победителей. Горожане, собравшись со всеми своими пожитками в древнем Мономаховом соборе, подожгли лежавший в храме порох и погибли в грохоте чудовищного взрыва. Кто не успел в храм, — сжигали свои дома. Полякам досталось море огня. Ненависть росла и в Смоленске, и в других городах Смоленщины, где усиленно работали иезуиты, преследовавшие православие и стремившиеся к ополячению народа.

Герой смоленской эпопеи, боярин Шеин, в 1632 году во главе русской армии двинулся под Смоленск и организовал осаду города. Победа была уже недалека, но разброд в наемных иноземных отрядах и своевольство русских дворян подорвали близкий успех; войска Шеина были окружены и вынуждены к сдаче. Поход на Польшу 1654 года вернул Смоленск России: он был взят 23 сентября после двухмесячной осады. Крестьянство и горожане Смоленщины с радостью встречали русские войска.

Неоднократно во второй половине XVII века Москва посыпала в Смоленск своих лучших зодчих: Ивана Калинина, Алексея Королькова, Осипа Старцева, Гура Вахрамеева, чтобы «смечать» порухи смоленских стен и башен и чинить их. Они строили в городе и новые здания. Гур Вахрамеев построил храм и колокольню Вознесенского монастыря с живописными сходами крылец. В 1678 году Алексей Корольков начал постройку нового Успенского собора на месте руин древнего Мономахова храма, покрытых бессмертной славой погибших под его развалинами смолян. Мастер отступил от московского наказа построить скромный храм по образцу собора подмосковной Александровой слободы, он положил основание огромному зданию, достойному памяти храбрых. За недостатком средств, храм был завершен лишь в 1740 году «архитектором Антоном Шеделем»; украинский мастер Сила Трусицкий со своими учениками создал торжественный резной иконостас собора — одно из выдающихся произведений декоративного искусства XVII века.

В 1812 году, когда в Россию вторглись армии Наполеона, Смоленск видел и его недолгое торжество и его разгром, когда, отступая, озлобленный маршал Ней приказал поджечь город и взорвать его 9 башен.

НОВГОРОД

Начальная история Новгорода-Великого была темой долгих споров в науке. Он вырос в старой земле «словен новгородских», но какой «старый» город сменил «новый» город? Ученые называли Старую Руссу на южном берегу озера Ильмень и Старую Ладогу при впадении Волхова в далекое Ладожское озеро. Старая Русса, как показали археологические исследования, значительно моложе Новгорода, ее земля не скрывает остатков старше XII века. Иначе рисуется древнейшая судьба Старой Ладоги: она действительно старше Новгорода, здесь раскопки открыли следы значительного поселения VIII—X веков с хорошо сохранившимися остатками бревенчатых жилищ и хозяйственных построек. Она была безусловно древнейшим славянским центром на русском севере, первым «окном в Европу», которое стало известно также норманнам: «Альдейгобург» был одним из реальных воспоминаний о Восточной Европе в древнейших скандинавских сагах. Спор был решен в 1934—1935 годах, когда около села Рюрикова городища в 3 километрах от Новгорода были обнаружены следы поселения IX—X веков: этот древнейший город был в 882 году включен князем Олегом в состав Киевской державы и явился предшественником «Нового» города, расположившегося несколько ниже по реке Волхову. Его значение определял тот же великий водный путь из варяг в греки, который вырастил Киевскую Русь: Новгород контролировал его выход в Балтику и был центром притяжения экономических интересов всего северного края.

Уже в конце X века здесь был срублен из дуба первый христианский храм севера — огромный Софийский собор, увенчанный тринадцатью верхами. Этот древнейший памятник монументального искусства новгородских плотников погиб в огне пожара в 1049 году. Еще до его гибели, в 1045 го-

ду, князь Владимир, сын Ярослава Мудрого, заложил новый каменный Софийский собор, законченный в 1050 году (рис. 12). Он стал в княжеской крепости-детинце, имевшем уже в XI веке мощные, частью каменные, оборонительные стены. Собор был построен, вероятно, русскими учениками греков-зодчих Софийского собора в Киеве. Они вложили новый художественный смысл в свое грандиозное сооружение, повторив лишь масштабы и строгую формулу обширного крестовокупольного храма. Простой, суровый и тяжеловесный массив собора, завершенный спокойным пятиглавием, прекрасно гармонировал с широким и хмурым ландшафтом Новгорода. В его покрытиях, чередующих арку и фронтон¹, может быть, сказался отзвук форм сгоревшего деревянного храма. Массивная лестничная башня, примкнувшая к юго-западному углу собора, усиливала впечатление мощи его форм. Так же прост и суров был интерьер храма, лишенный изменчивой и сложной живописности киевской Софии. В XII веке стены собора были расписаны фресками, сохранившимися лишь в небольших фрагментах в южной паперти и средней главе храма. С огромным изображением Вседержителя в ее куполе легенда связала судьбу новгородской свободы и независимости. Правая рука Вседержителя была изображена благословляющей не обычным «двоеперстием», а «щепотью», и легенда объясняла это тем, что в ней Вседержитель держит судьбу Новгорода. Софийский собор стал крупнейшим очагом культуры: здесь было положено начало новгородского летописания, здесь переписывались книги и хранились прекрасные произведения живописи и прикладного искусства, служившие неисчерпаемым источником совершенствования новгородских художников.

Как в искусстве, так и в политической жизни Великий Новгород шел своим путем. Еще Ярослав Мудрый поставил его в особое положение по отношению к Киеву и киевскому княжому дому. Князья не чувствовали здесь себя полновластными хозяевами. Уже в начале XII века они готовятся оставить детинец и Софийский собор: в 1103 году князь Мстислав отстраивает на старом Городище под Новгородом свою усадьбу с каменной церковью Благовещения; в городе на Ярославовом дворе строится князем придворный собор Николы (1113 г.). В 1119 году князь Всеволод строит величественный собор княжеского Юрьева монастыря напротив княжеской усадьбы на Городище (рис. 13). Это были последние княжеские постройки. Они еще стремятся сохранить торжественный стиль Софии: своей обширностью и подчерк-

¹ Треугольный верх фасада, образуемый двускатным покрытием.

нутой монументальностью они подражают ей. Собор Николы подобно Софии завершался торжественным пятиглавием. В строгих пропорциях, геометрической четкости и византийской системе декорации фасадов собора Юрьева монастыря новгородский зодчий Петр с гениальным мастерством выразил идею благородной силы и величия. Тому же мастеру приписывают создание прекрасного собора Антониева монастыря с его круглой лестничной башней (1117—1119 гг.). Сохранившиеся в этих храмах фрагменты фресок характеризуются изысканной манерой и утонченным совершенством формы, присущим столичной византийской живописи: отблески далекой античности согревают человеческой теплотой и дыханием жизни лица святых и библейских персонажей.

Княжеское искусство начала XII века является монументальной вехой поворота новгородской истории и культуры.

В тридцатых годах жизнь города вступает в новую полосу. Власть переходит в руки боярства, князь становится военным слугой феодальной республики, возглавляемой боярскими ставленниками: посадником, тысяцким и епископом. Боярские дружины освоили огромные пространства русского севера вплоть до Урала и холодных вод Белого моря. Оттуда вывозилось на рынки Европы драгоценное «мягкое золото» — пушистые меха северного зверя. Фантастические рассказы создавались в Новгороде о северных народах и падающих вместо дождя пушистых веверицах — белках. Смелая предприимчивость, суровость характера сочетались в новгородцах с богатством фантазии. Приключения новгородского купца Садко Сытинича, мореплавателя и строителя величественного Борисо-Глебского храма в Детинце, стали достоянием былин. Буйная удаль былинного новгородца Василия Буслаева, полагавшегося лишь на свою молодецкую силу и не верившего «ни в сон ни в чох», стала символом новгородской вольности и независимости. Но эта «новгородская свобода» была на деле диктатурой боярства.

Однако Новгород был могуч и славен не только силой боярских дружин и сокровищами заморских купцов: он был крупнейшим ремесленным городом. Вскрывая древние остатки жилищ XII века, археологи неизменно встречают орудия и продукты ремесла и промыслов. В прекрасных ларных серебряных кратирах¹, сделанных новгородскими ювелирами Костой и Братией (рис. 14), видят пробные работы мастеров перед зачислением их в цех: новгородские ремесленники уже объединялись в свои братства, подобные гильдии новгородских купцов при церкви Иоанна на Опоках. Гончары и

¹ Церковный сосуд, кубок, в котором вино смешивается с водой.

оружейники разных специальностей, кожевники и сапожники, ткачи и ювелиры, книжные писцы и живописцы, «каменные здатели» и плотники, издревле славные на Руси, — всем этим располагал Великий Новгород.

К началу XII века город уже раскинулся по обеим сторонам Волхова. К детинцу примыкали Неревский, Загородский и Гончарский концы, к Торгу с его дворами иноземных купцов и Ярославову дворищу сходились Славенский и Плотницкий концы Торговой стороны. Два огромных полуокольца крепостных деревянно-земляных стен охватывали обе половины города. Высотой своей материальной культуры Новгород был обязан ремеслу: новгородскими плотниками был сооружен древнейший в России водопровод XI века, обнаруженный раскопками на Ярославовом дворище; раньше, чем был замощен Париж, новгородские плотники покрывали деревянными мостовыми улицы Новгорода, лучами сходившиеся к Детинцу и Волховскому мосту. На этом мосту происходили настоящие социальные битвы, завершавшие бурные вечевые собрания. С моста сбрасывали неугодных посадников и корыстных бояр. Социальная борьба «бушевала в Новгороде так же, как и во Флоренции» (К. Маркс). В легенде рассказывается, что языческий бог Перун, свергнутый христианами в Волхов, швырнул свою проклятую идольскую палицу на мост, ставший с тех пор местом кровавых побоищ между Новгородом боярским и Новгородом ремесленным.

В XII веке могучим центром политической и духовной жизни города стала новгородская София; ее имя было средством объединения горожан в борьбе с внешним врагом, боевым кличом новгородских дружин, символом силы и самостоятельности Новгорода. В связи со своим новым значением собор был в XII веке значительно расширен обстройкой с трех сторон галереями. В его тайниках хранилась городская казна, в его ризнице копились вклады новгородцев — золотая и серебряная утварь, прекрасные облачения и ткани, иконы и драгоценности. В 1262 году новгородцы украсили свой храм трофеем — вывезенными из Юрьева-Дерпта бронзовыми вратами магдебургской работы XII века (рис. 15); позднее их собрал и дополнил новыми пластиками новгородский мастер Авраам, поместивший среди них по примеру сделавшего врата мастера Риквина свой скульптурный автопортрет.

При всей огромной роли, какую играл Софийский собор в жизни Новгорода, его величественный стиль был уже чужд вкусам новых людей, ставших хозяевами городской жизни. Последними проявлениями этого строгого и представительного стиля были княжеские храмы, созданные мастером Петром

в самом начале XII века. ~~В~~ строительстве бояр, горожан, отдельных корпораций получает широкое распространение тип небольшого одноглавого храма, с большей простотой соединяющийся с жилыми постройками города, как бы более близкий земле и людской жизни. Вместо парадных хор внутри храма появляются интимные семейные молельни строителей. Фасады лишаются изысканной византийской декорации: гладкие и далекие от геометрической четкости, они приобретают чарующую пластичность и мягкость. В этом типе мастер Коров Яковлевич, живший на Лубянской улице, строит собор Кирилловского монастыря (1196 г.). К этому новому стилю примыкает и церковь княжеского монастыря Спаса Нередицы под Городищем (1198 г.). Она даже отдаленно не напоминает княжеского собора 1119 года Юрьева монастыря: он по сравнению с Нередицей — гигант. Скромная и простая стоит Нередицкая церковь (рис. 16) в холмистой шире полей, над рекой, осененной ивами, чудесно гармонируя с неярким северным пейзажем. В эту мудрую простоту архитектурных форм новгородские зодчие вводят некоторые новые детали, виденные в архитектуре запада, шведской и немецкой кирках на торговых дворах в Новгороде. Они уже налицо в церкви Пятницы на Ярославовом дворище, построенной в 1207 году заморскими купцами и далеко уходящей от художественных идеалов княжеского Новгорода.

Так же глубоко отличны от росписей начала XII века прекрасно сохранившиеся фрески Нередицкой церкви (1199 г.). XII век был веком большого строительства монастырей в Новгороде; идеология монашества с его аскетизмом получила широкое развитие. Нередицкая роспись проникнута ее суровым и мрачным духом отрицания земного мира и его радостей. Картина Страшного суда, развернутая на западной стене храма, определяет центральную идею росписи. Лица святых, неподвижно застывших на стенах алтаря, строги и сухи, их взор суров и прямо устремлен на зрителя. Но и сквозь эту отстоявшуюся и не подлежащую изменению отвлеченность и условность церковного искусства пробивается живой творческий дух русских мастеров, авторов нередицкой стенописи (рис. 17). Она поражает богатством и разнообразием их манер. От тонкой графичности до широкого декоративного письма, от орнаментальной плоскости до сочной и смелой лепки условного объема человеческой фигуры и предметов — таков диапазон художественных индивидуальностей русских мастеров. Для них уже не является идеалом утонченная красота фресок начала XII столетия. Они наделяют изображаемых ими святых и ангелов скрытым внутренним напряжением, их тела мускулисты и как бы стре-

мятся разорвать сковывающий их покой. Живописцев притягивает яркость земных красок. В стенной нише, предназначенней принять гроб строителя храма, князя Ярослава, художники рисуют его торжественный портрет в княжеской одежде, переданной с большой реальностью. Новгородские иконы поражают смелой красочной гаммой, неожиданным и звучным сопоставлением ярких цветов; отвлеченные образы святых приобретают русские черты, превращаясь в новгородских старцев и юношей, простых и доступных общению.

Татарская гроза, попалившая города Владимира и княжества и других среднерусских областей, не дошла до Новгорода: весенний разлив русских рек лег стальной зыбью перед потными мордами татарских коней. Татары повернули назад, Новгород избежал разгрома. Он твердо стоял под ударами нового врага — шведских феодалов и немецких псов-рыцарей: победоносный гений Александра Невского сверкающим мечом охранял независимость Новгорода. Под его знаменами сражались новгородские ремесленники, отстаивавшие свободу родного города; «Житие Александра Невского» сохранило имена некоторых из них. Культурный рост Новгорода не был прерван, и XIV век стал веком расцвета новгородского искусства.

Но Новгород не мог жить спокойно: его северные границы были открыты для шведов и финских племен, с запада угрожала Ливония, с юго-запада росло сильное Литовское княжество. Ладожская каменная крепость, построенная в 1116 году посадником Павлом на устье Волхова (рис. 18), была недостаточна для обороны прибалтийской границы: Орешек — будущий Шлиссельбург — на истоке Невы (1323 г.) и Копорье на неприступной скале у вод Финского залива (1280—1297 гг.) становятся на сторожевую службу. На западе, в излучине Шелони, воздвигается каменный кремль Порхова (1387 г.), а на юге усиливается крепость Великих Лук. Сам Новгород в 1302—1331 годах строит сплошную каменную стену своего детинца.

Попрежнему своеобразен и сложен был круг связей Новгорода XIV—XV веков. Новгородские купцы проникали далеко на север, плавали по «дыщущему» Ледовитому морю, любовались величественными рублеными башнями храмов лесного Заволочья, ездили на рынки торговых городов Ганзы, причем внимательно осматривали постройки чужеземцев и наблюдали их обычай. Новгородская любознательность и интерес к жизни соседних народов питали развитие паломничества. В сороковых годах XIV века ездил в Царьград вместе с восьмью товарищами новгородец Стефан, в середине XV века новгородский ионик Варсонофий писал о своем «хож-

Рис. 17. Новгород. Церковь Спаса Нередицы. Фреска

Рис. 18. Старая Ладога. Башня

Рис. 19. Новгород. Церковь Спаса Преображения

Рис. 20. Новгород. Церковь Спаса-на-Ковалеве

дении» на православный Восток. Язык новгородской летописи был скуп и деловит; с равным вниманием летописец заносил известия о городских восстаниях и «чудесах» от икон, гибели скота и смене посадников. Под натиском новых впечатлений стирались воспоминания о киево-византийском культурном наследии. Отвлеченное изображение Вседержителя в Софийском куполе (XII в.) легенда вводила в деловую атмосферу новгородской жизни. Ему приписывалось непосредственное участие в судьбе города, которую он сжал в своей руке, говоря писавшим его изображение живописцам: «аз бо в сей руце моей сей великий Новград держу, а когда сия рука моя распространится, тогда будет граду сему скончание». Новгородский архиепископ Василий, поучая тверских вольнодумцев, отрицавших существование рая на земле, напоминал, что до него доезжали новгородцы, заблудившиеся в море на своих ладьях и видевшие на горах рая грандиозное изображение Деисуса¹ на несказанно лазурном фоне; ад был также на земле: «много детей моих, новгородцев, — писал Василий, — видоки тому: на Дышучем море (т. е. на Ледовитом океане) червь неусыпающий и скрежет зубовный...» Так в представлении самого духовного главы новгородской церкви ад и рай становились реалистически простыми и почти осозаемыми. Под рукой архиепископа работали новгородские писцы книг, не проявлявшие в своем кропотливом труде большого уважения к страницам священных сочинений: заглавные буквы и заставки богослужебных книг превращались в фантастические замысловатые композиции из причудливо изогнутых зверей или змей, а иногда инициал превращался в бытовую сцену новгородской жизни. В Новгороде рождались ереси, будившие мысль отрицанием церковных догм и самой церкви и переносившие внимание на внутреннее совершенствование человека, совесть которого была ответственна лишь перед матерью сырой землей.

Столь же далеко вперед ушло и новгородское искусство. Храмы, построенные в XIV столетии, отражают сложный в своей простоте дух новгородской жизни. Их многолопастные или островерхие фронтонные кровли напоминают одновременно и боярские бревенчатые хоромы и фронтоны ратуш и домов, виденных новгородцами в ганзейских городах. От простоты маленького храма Успения на Волотовом поле (1352 г.) с его лаконичным трехлопастным верхом фантазия художников идет к прихотливому убранству церкви Спаса Преображения на Ильине улице (1374 г.) (рис. 19). Ее

¹ Композиция, изображающая моление Христу Богоматери и Иоанна Крестителя.

фасады, как бы затканные игрой света и тени в разнообразных нишах, впадинах, узорах, закладных крестах, напоминают народные вышивки; и рядом с этим по алтарным апсидам изгибаются характерные романские аркатуры, а порталы приобретают порой стрельчатые очертания. С запада к церкви Спаса примыкал притвор с оригинальной звонницей в виде двухпролетной арки на столбах, перешедшей в архитектуру Пскова и ставшей ее оригинальной чертой. Рядом с нарядной церковью Спаса на Ильине, построенная в 1345 году боярином Онцифором Жабиным церковь Спаса на Ковалеве (рис. 20) кажется чрезмерно бедной и простой; она сохраняет старую систему посводных покрытий, ее фасады обнажены, но, подобно деревянному храму с его «прирубами», храм окружают притворы разной величины и пропорций, придающие его композиции глубокое своеобразие и живописность. Эта черта была исключительной — новгородские бояре ценили в храме его самостоятельность и четкую ограниченность от окружающей среды, сообщавшие зданию дух известной аристократичности.

С этими выдающимися памятниками новгородской архитектуры связано овеянное славой имя великого художника XIV века Феофана Грека: он расписывал в 1378 году церковь Спаса на Ильине, его же кисть исследователи видят в росписи церкви Успения на Волотове поле (1363 г.) и церкви Федора Стратилата (шестидесятые годы XIV в.). Он пленил новгородцев смелостью своей кисти, соединением мудрости философа и книжника с свободным вдохновением живописца, создававшего свои композиции без оглядки на иконописные подлинники, «дерзостно» и верно изображавшего реальные здания — Московский Кремль и царьградскую Софию. Подобно Леонардо-да-Винчи, он писал непринужденно, беседуя со своими друзьями, приходившими к нему на леса храмов, чтобы любоваться его работой. Он работал в Царьграде и Халкидоне, Галате и Кафе, Нижнем-Новгороде и Москве. Дух Возрождения, питавший мысль Феофана, был близок новгородской культуре XIV века. Движение и пространственная глубина характеризуют его произведения, далеко уходящие от условной плоскостности и скованности мира древней живописи (рис. 21). Движение охватывает даже пейзаж, ломкие линии которого вторят движению человека. Вместе со спешащими конными волхвами как бы летят изломы гор на Волотовской фреске. Лики юных святых и старцев приобретают индивидуальные черты, смелыми декоративными мазками художник передает светотень на лицах и одеждах. Бурные человеческие страсти разрушают холодное спокойствие священных событий: как мать над трупом

сына, заламывает в исступленной скорби руки богоматерь над телом Христа. Интерес к человеку и его внутреннему миру пронизывает творчество Феофана глубоким гуманизмом. В Волотовской церкви появляются портретные изображения новгородских архиепископов Моисея и Алексея. Огромный живописный опыт и гениальное чувство художественной формы придают особую остроту и ясность композиции фресок Феофана Грека. От сравнительно многокрасочной росписи Волотова он приходит затем в позднейших фресках Спаса на Ильине к строгой и мудрой коричневато-желтой гамме, объединяющей целую роспись, но не снижающей ее живописной выразительности. Так XIV столетие стало зени- том новгородского искусства.

Когда Куликово поле сделало общерусское значение Москвы неоспоримым, к ней устремились помыслы новгородских горожан и крестьянства. Иначе смотрело на вещи новгородское боярство: оно не послало новгородских полков на бой с Мамаем, оно видело в Москве угрозу неограниченности своей власти и предпочло борьбу с Москвой вплоть до опоры на союз с чужеземцами. Боярство Новгорода стало на пути прогресса, и живительная творческая сила народного гения уходит из боярского искусства. Падает искусство фресковой живописи, поднятое гением Феофана на огромную высоту; роспись церкви Симеона в Зверине-монастыре (шестидесятые годы XV в.) теряет монументальный характер. В иконописи и литературе становится популярной тема борьбы Новгорода с владимирскими князьями в середине XII века — древняя параллель борьбы с Москвой. Зодчество также обращается к образам прошлого, боярские храмы копируют созданные XIV столетием образцы. Таковы, например, нарядная церковь Петра и Павла в Кожевниках (1406 г.) и построенная в 1454 году архиепископом Евфимием церковь Двенадцати апостолов, еще хранящая стройность и очарование храмов XIV столетия. Тот же Евфимий, душа боярских консервативных замыслов, приглашает немецких зодчих для обстройки своей пышной резиденции в детинце (рис. 22). Но немцы приносят уже холодающий пламень поздней готики. Чопорен и скучен крытый готическими сводами зал епископской Грановитой палаты (1433 г.), тускло мерцает золотое шитье боярских поясов. Высоко над стенами детинца возносится стройная часовья Евфимьевская башня (1443 г.), напоминающая одновременно и готические сооружения и высокие шатры излюбленных народом деревянных храмов. Новгородское искусство было тогда готово влиться в единый могучий поток русского национального искусства XV—XVI вв. ... Но до этого еще предстояло полвека тяжелой борьбы.

Еще сын Донского, великий князь Василий, держал своих наместников в Новгороде, стремясь постепенно сломить боярскую волю; Иоанн III требовал, чтобы Новгород держал его имя «честно и грозно», но бояре уже договаривались с католической Польшей и Литвой и даже с исконными врагами Руси — ливонскими рыцарями — о борьбе с Москвой. Поход 1471 года на Новгород Иоанн III сравнивал с походом на Мамая: новгородцы стали изменниками родины и православия. Битва на Шелони и разгром новгородской рати на Двине организованной по-новому армией Иоанна III показали на деле отсталость боярской старины. Внутри города не было единства: горожане не хотели борьбы, пушкари заковывали пушки, стоявшие на городских стенах. В 1477 году потребовался снова поход на Новгород; карающий измену меч и огонь ходили по новгородским волостям; новгородское боярство перегородило Волхов пловучей деревянной стеной, но все же город открыл ворота и дал присягу Москве. Вечевой колокол был увезен в Москву и его голос слился с колокольным звоном ее сорока сороков. Но боярство продолжало свою крамолу; в 1487—1488 годах свыше 7 000 новгородцев было выведено на Низ и в Москву и частью казнено. Дело Иоанна III докончил Иоанн IV, решительными мерами прекратив дальнейшую возможность крамолы.

Новгород внес в сокровищницу русской культуры сохранившееся им древнее книжное наследие Руси: более половины рукописей XI—XV веков, дошедших до нас, — труд новгородских писцов или книги новгородских книгохранилищ. Огромный историко-литературный труд «Великие Минеи Четыни», энциклопедия русских святых, составлялся в XVI веке первоначально в Новгороде, а затем в Москве. Москва также дала Новгороду от своих достижений; может быть автор проекта московского Кремля — Аристотель Фиоравенти перестроил стены детинца. Поднявшись на Евфимьевскую башню, можно было скинуть взором его могучие кирпичные стены, новые постройки московских купцов Сырковых рядом с Никольским собором — церкви Прокопия (1529 г.) и Женмироносиц (1510 г.), пятиглавый храм Бориса и Глеба на берегу Волхова (1536 г.), здания XVI века Хутынского монастыря и многие другие памятники, внесенные XVI столетием в широкий ландшафт Новгорода.

П С К О В

Псковская земля — край славянского племени кривичей, порубежье с литовскими племенами и летописной «белоглазой чудью», давшей свое имя Чудскому озеру, соединенному узким проливом с озером Псковским. В него несет свои воды река Великая, вдоль течения которой Псков созидал свои могучие крепости. На узком известковом мысу, вздымающем свои обрывы в устье реки Псковы, высятся величественные стены и башни древнего Псковского кремля.

Этот мыс — древнейшая ячейка города. Псковский летописец вынужден признать, что «о Плескове граде от летописания не обретается воспомянуто от кого создан бысть и которыми людьми...» Легенда о призвании варягов обошла молчанием Псков, поместив одного из князей — Трувора в соседнем Изборске. Но княгиню Ольгу, мудрую бабку Владимира Святославича, легенда сделала псковитянкой: летописцу показывали даже сани, в которых Ольга объезжала свои северные владения. Раскопки на кремлевском мысу вскрыли следы славянского поселения глубокой древности, но вряд ли нога Ольги ступала по его улицам. Еще в начале XI века Псков был для Киева своего рода Сибирью — местом прочной и далекой ссылки. Сюда еще в 1036 году Ярослав заточил своего младшего брата Судислава, вышедшего из псковского «поруба» — земляной тюрьмы — через 24 года глубоким старцем. Затем в историю Пскова входит имя полоцкого князя Всеслава, искавшего опоры на севере для борьбы с киевскими князьями и встретившего упорное сопротивление Пскова. Но все это — отрывочные факты. Псков живет в тени своего могучего собрата — Великого Новгорода, завися от него и не возбуждая интереса новгородского летописца.

Псков был близок Новгороду по своему общественному устройству. Как и Новгород, Псков делился на концы, и вчре было важнейшим явлением городской жизни; та же иллюзия демократии скрывала остроту социальных противоречий между боярско-купеческими верхами и городской и крестьянской беднотой. Впрочем псковское боярство не обладало могуществом новгородской знати — Псков не имел тех обширных колоний, которые питали Новгород, псковская земля, скатая на западе русской границей, а на востоке — новгородскими владениями, не могла вскормить в боярстве новгородскую спесь. Псковские бояре были в то же время богатыми купцами, они торговали с Бременом, Ригой, Ревелем и другими городами Прибалтики и втягивались в восточную торговлю Новгорода. Псковское вчре не было столь связано боярской волей и общественный строй Пскова был демократичнее порядков Новгорода. Псковская летопись, столь же деловитая и лаконичная, как новгородская, проникнута большей простотой, сердечностью и чувством. Как и в Новгороде, фигуры князей проходят бледными тенями в истории Пскова; немногие имена оставляют в ней глубокий след: таков князь Всеволод Гаврил († 1138 г.), храбрый литовский выходец на псковском столе князь Довмонт-Тимофей — доблестный защитник города в борьбе с немцами (1266—1299 гг.), Александр Невский — герой Ледовой битвы и освобождения Пскова от захватчиков. Ореолом святости отмечена народная память этих князей, связавших свое имя с борьбой за независимость Пскова: житие кн. Всеволода называет его «оборонителем и забралом града Пскова от поганых немцев». Это — не случайность. Псковская земля, вытянутая узкой лентой вдоль западной границы Руси, жила в постоянной боевой тревоге, превращавшей ее в военный лагерь. Как никакая другая древнерусская земля, земля Пскова — страна крепостей, ее зодчие строили едва ли не больше стен и башен, нежели храмов. В этой напряженной боевой обстановке, в борьбе с немцами и Литвой, крепнет самостоятельность Пскова. В 1348 году Псков выходит из под новгородской опеки, и последующие полтора века становятся временем расцвета самобытной псковской культуры. Немногое ее памятников прошло сквозь столетия беспокойной жизни города: лишь в XV и XVI веках он горел 23 раза, и только каменные храмы и стены города выдержали это огненное испытание.

Древнейшие памятники архитектуры Пскова XII—XIII веков обнаруживают сложность ее источников и широту кругозора псковских зодчих. Построенный новгородским епископом Нифонтом собор Мирожского монастыря (1156 г.)

(рис. 23) стоит особняком в истории русского зодчества: его угловые своды были опущены, а высокие средние подчеркнуто выражали архитектурный крест, увенчанный массивной главой. Роспись храма, сделанная греческим мастером, была проникнута духом строгости и отвлеченности: Нифонт был убежденным сторонником греческой культурной гегемонии на Руси. Недошедший до нас первый Троицкий собор Пскова (начала девяностых годов XII в.) развивал достижения киевских и полоцко-смоленских зодчих: это был стройный храм с пониженной западной частью, высокими притворами по сторонам и возносящимся к небу башнеобразным верхом (рис. 24). В соборе Иоанновского монастыря с его трехглавием (середина XIII столетия) ясно видны черты новгородских храмов мастера Петра, которыми вдохновлялся псковский зодчий. Так Псков XII—XIII веков создавал свою культуру в широком общении с другими русскими городами.

К началу XIV столетия Псков уже имел каменный Кремль, занимавший высокий известковый мыс устья Псковы. Тут были правительственные здания и склады военных припасов.

Над стенами крепости возвышался стройный собор Троицы. Здесь над гробницами Всеволода и Довмонта висели тяжелые рыцарские мечи, взятые вероятно в боях с немцами, но связанные легендой с князьями-воинами, которым они якобы принадлежали. На эфесе одного из них был гордый девиз — «чести моей никому не отдаю». В легенде есть всегда доля мудрой правды: этот благородный лозунг был более к лицу героям псковской истории, нежели немецкой «крестоносной сволочи».

Начало своей самостоятельности Псков отметил постройкой нового Троицкого собора, сменившего древний храм, разрушившийся в 1362 году (рис. 25). Три года трудились псковский зодчий Кирилл и его артель, воздвигая на старых фундаментах новое величественное здание. Он стремился сочетать священные черты ружнувшего храма с новыми народными вкусами; они отразились в построенной псковскими купцами в 1354 году деревянной церкви Софии. Ей, вероятно, и подражал Кирилл, усложняя композицию храма, придав его верху живописную форму восьмерика на четверике, заимствованную из деревянной архитектуры. Удивительное по своему смелому своеобразию создание Кирилла впервые в русском зодчестве далеко отходит от завещанной древними византийскими традициями крестовокупольной системы, наполняя ее живительным дыханием самобытного народного искусства.

Подобно новгородской Софии, Троицкий собор был идейным центром и знаменем «вольного Пскова». Это был городской храм в полном смысле слова, его хозяевами были горожане, в нем помещался правительственный архив и потребались политические деятели Пскова. Этот важнейший памятник Пскова и всего русского зодчества XIV столетия не дошел до нас: на его месте в конце XVII века был построен существующий Троицкий собор. Его высокий башнеобразный массив, может быть, до известной степени повторял пропорции и масштабы древнего храма: новый собор так же, как и его предшественники, господствовал над стенами Кремля и городом.

Уже к началу XIV столетия Псков перерос границы древнейшего Кремля и распространился по склону псковской стрелки. Иноземный наблюдатель, современник Довмонта, признавался с удивлением, что окружность Пскова «обнимает пространство многих городов и в Германии нет города, равного Пскову». В 1309 году посадник Борис ставит каменную стену «старого Застенья», но в 1375 году она уже оказывается внутри растущего города и по его краю воздвигается новый каменный пояс «нового Застенья»; в 1465 и 1482 годах обносится стеной Запсковье, в 1465 году деревянная стена Окольного города или «Полонища» очерчивает последнюю линию укреплений города-крепости (рис. 26). Сооруженные из известнякового плитняка и валунного камня стены обмазывались известью, их завершали каменные зубцы с боевыми галереями. Угловые башни с ярусами бойниц выступали вперед, беря под фланговый обстрел прясла стен; ворота усиливалась боевыми башнями над ними и особыми укреплениями — «захабами», затруднявшими подступ врага к воротам и предохранявшими их от артиллерийского огня; под стенами шли подземные галереи — «слухи», предупреждавшие подкоп врагов под стену.

Вокруг Пскова в XIV—XV веках вырастает система крепостей, смыкающаяся с пограничными укреплениями Новгорода и образующая основу обороны западных границ России. В 1330 году над обрывами Жеравьей горы посадник Селога строит каменные твердыни Изборска, выдвинутые навстречу немецкому рубежу; немецкий поэт XIV века Петр Зухенвирт называет Изборск «железным городом» (Eisenburg). К югу и к западу обращают свои стены Остров и Опочка, Колож и Гдов, Красный, Вышгород и другие псковские крепости.

Могучие стены Пскова стягивали в несколько поясов стихийное формирование городского ансамбля. Над морем деревянных жилищ господствовала кремлевская часть с ее

Рис. 21. Новгород. Церковь Спаса-на-Ковалеве. Фреска

Рис. 22. Новгород. Грановитая палата. Интерьер

Рис. 23. Псков. Мирожский монастырь. Спасо-Преображенский собор

Рис. 24. Псков. Троицкий собор XII в. (реконструкция автора)

высоким собором; отсюда город спускался в низинную, частью заболоченную местность. Характерной особенностью псковского пейзажа были многочисленные мостки или «лавицы», соединявшие возвышенные или сухие участки. По ним назывались отдельные местности и здания: Жабья лавица, Острага лавица, церковь Василия на Горке, Николы со Усохи, т. е. с высохшего места, Сергия с Залужья, т. е. находившаяся за лужей и т. д. Кончанская и уличанская системы были известным организующим началом городской застройки. Многочисленные храмы создавали ряд внутренних центров, на которые ориентировались городские кварталы.

Псковские церкви XV—XVI веков, строившиеся объединениями «уличан», отдельными горожанами, реже — боярами, характеризуются кажущимся однообразием и простотой своего облика, строгостью и лаконизмом форм. Это — приходские храмы улиц, семейные церкви отдельных родов; они невелики и малопоместительны, зато их было много: древние изображения Пскова наполнены десятками церквей, заполняющих внутреннее пространство стен; псковские летописи пестрят записями о храмоздательстве: строительный материал был доступен, мастерами Псков был богат. Величественный и сложный Троицкий собор резко отличался от храмов горожан. Приходский храм был интимен, приближаясь по своим масштабам к скромным жилищам псковичей. К нему пристраивали склады и приделы, храм терял свою культовую замкнутость, входил в практическую жизнь своих хозяев. Посвящение храма, если оно не было связано с именем семейного святого, покровителя дома, решалось просто: ставили, например, обыденную церковь и метали жребий «и паде жребий на святого архистрата Гавриила».

Псковичи ценили свою «старину», дорожили традицией своей культуры, но они непрестанно совершенствовали и видоизменяли старое. Монастырский собор на Снетной горе (1310 г.) повторял своеобразные формы Мирожского собора XII века; но в снетогорской росписи прорывались движение и жизнь, как бы предвосхищавшие идеи Феофана Грека. Маленькие приходские храмы строились по старой системе одноглавых зданий с четырьмя столбами внутри, но их расширяли приделами, изменяли систему перекрытий (церковь Василия на Горке, 1413 г.; Богоявления на Запсковье, 1496 г.; Георгия со Взвоза, 1494 г. и другие) (рис. 27). При малом объеме храма внимание зодчих постоянно привлекала задача увеличения его площади: они разработали остроумную конструкцию ступенчатых сводов,

позволившую обойтись без столбов, загромождавших внутреннее пространство. Такова церковь Николы Каменноградского (конец XV в.) и многочисленные придельные храмы. Вделанные в стены храма полые кувшины-голосники, служившие резонаторами, придавали радостную звонкость звучанию, но свободному пространству. Правдивой практичностью и скромностью был овеян и внешний облик псковских храмов. У их строителей не было интереса к парадной и красочной декорации фасадов, какой проявляли новгородские бояре — строители церкви Спаса на Ильине или Федора Стратилата. Лишь кое-где по карнизам мастер выкладывал узор из треугольных и квадратных впадин и арочек, подобный узкой кайме шитья на полотенце. Рыхлая плита, прикрытая обмазкой, не скрывающей кривизны поверхностей и линий, придавала стенам зданий особую чарующую мягкость и пластичность.

Фасады, стянутые многолопастной ползучей аркой, остроконечные покрытия храма, сближают его силуэт с кровлями жилищ, в круг которых естественно и органично входит «божий дом». Его выделяют характерные псковские звонницы в виде стенки с арочными пролетами для колоколов; их прорезные силуэты создают своеобразие псковского архитектурного ландшафта (церкви Успения в Паромене, 1521 г., Богоявления на Запсковье и другие) (рис. 28).

Эти своеобразные качества псковское зодчество хранит вплоть до позднего времени. Тот же простой и выразительный язык монументальных и лаконичных форм звучит в гражданском зодчестве XVII века. Знаменитые палаты купцов Поганкиных, с их похожими на крепостные стены могучими фасадами, скрупульно разбитыми маленькими окнами; «солодежня» с великолепным массивным крыльцом; дома Сутоцкого и Яковлева — все эти памятники позднего Пскова выращены на почве вековой строительной культуры вольного города.

Уже в XV веке интересы борьбы с немцами сближали Псков и Москву. Москва давала в помощь псковичам свои войска, они стояли в Пскове и его пригородах, Москва получила большое влияние в политической жизни города, сажая своих князей и наместников, исподволь наступая на псковскую старину. В свою очередь Псков давал свои войска Иоанну III против Новгорода.

Твердыни Псковского кремля, грозившие затяжной и кровопролитной борьбой в случае открытых военных действий, не в малой мере определили сдержанную политику Москвы. Поэтому присоединение Пскова к Московскому государству в 1510 году не вылилось в кровавую трагедию.

конца боярского Новгорода. Правда, и из Пскова было выведено 300 семей влиятельных горожан и заменено москвичами, поселенными в Среднем городе. Тяжкой показалась псковичам рука Василия III и своевольное управление его наместников. Псковский патриот-летописец горько оплакивал конец «вольного Пскова»: «.. спустиша вечной (вечевой) колокол у святыя живоначальная Троицы, и начаша Псковичи, на колокол смотря, плакати по своей старине и по своей воли... како ли зеницы не упали со слезами вкупе? Како ли не урвалося сердце от корени?.. О, славнейший граде Пскове-Великий! Почто бо сетуши и плачеси? И отвеша прекрасный град Псков: како ми не сетовати своего опустения?.. И у наместников, и у их тунов, и у дьяков великого князя правда их, крестное целование, взлетела на небо и кривда в них нача ходити... а псковичи бедныя не ведаша правды московских... ано земля не расступится, а вверх не взлететь...»

Но державная Москва, упразднившая псковскую ста-рину, продолжила ее боевые традиции. Она усилила оборону Пскова: в 1517 году большие работы провел «фрязин» (итальянец) Иван по починке упавшего участка кремлевской стены и была продолжена каменная стена Запсковья; знаменитый в истории Пскова дьяк Мисюрь Мунехин основал в 1519 году «под немецким рубежом» крепость Печерского монастыря, а в 1524 году построил Гремячую башню над береговой кручиной Псковы (рис. 29). В 1537 году вновь присланный из Москвы «фрязин» преградил вход в реку Пскову «водобежными воротами» с опускными решетками: «ка и стал Псков туто не бывала стена» — воскликнул летописец.

Так за три столетия вырос огромный девятикилометровый пояс псковской крепости. По расчетам старого псковича военного инженера Годовикова, на ее постройку, не считая ремонтов и перестроек, было затрачено около 6 миллионов человеческих дней, работа более миллиона лошадей, 571 663 куб. метра плиты, 122 990 куб. метров известки, 122 500 куб. метров песку, 20 миллионов ведер воды.

Великий строительный труд псковских зодчих дал свои плоды: если Новгород внес в сокровищницу русской национальной культуры сохраненное и приумноженное книжное богатство древней Руси, то Псков вложил в нее искусство своих архитекторов. Они считались лучшими в России конца XV века и им выпала честь участвовать в грандиозном строительстве Москвы Иоанна III. Псковский зодчий Постник Яковлев положил стены каменного кремля на холмы покоренной Грозным Казани и вместе с Бармой воздвиг ге-

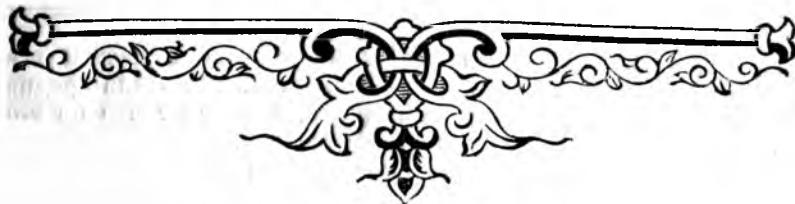
ниальный памятник русской славы — собор Василия Блаженного на Красной площади Москвы.

Войдя всем своим творческим духом в историю русского государства, Псков продолжал жить яркой и напряженной жизнью: в XVI—XVII веках он попрежнему был крупным торговым и ремесленным центром страны. Попрежнему он нес и свою почетную сторожевую службу на русской границе и обогатил новыми славными делами военную историю России.

В предшествующие столетия, полные боевых тревог, Псков выдержал много осад; только однажды измена отдала его в руки врагов. XVI век не был спокойнее. Особенно тяжкой была осада города польскими войсками в 1581 году. Увидевший впервые Псков участник похода, секретарь польского короля, С. Пиотровский был изумлен его видом: «Любуемся Псковом... Господи, какой большой город!.. Точно Париж...» Но тем не менее пушки Батория громили псковские стены и башни; часть из них была разрушена, но Псков не сдался. Вспоминая об этом факте, английский посол Флетчер писал: «при осаде Пскова 8 лет тому назад польский король Стефан Баторий был отражен со всею его армией, состоявшей из 100 000 человек, и принужден был, наконец, снять осаду, потеряв многих из лучших своих вождей и солдат». Сам Баторий должен был признать, что «москвитяне (т. е. русские) при обороне крепостей своею стойкостью и мужеством превосходят прочие нации». Так же безуспешна была трехмесячная осада Пскова шведской армией Густава Адольфа в 1615 году.

Слава Пскова живет в веках. Его памятники, овеянные суровым духом борьбы и труда, близки нашим дням. Подобно Великому Новгороду он стал городом-музеем, хранителем своей простой и величественной истории.

ВЛАДИМИР

Ирокая зелень заливных лугов окаймлена синей рапой далеких сосновых лесов. На холме среди лесов еле видна старая деревня Ладога. Кто знает, почему новгородское название попало на далекий берег Клязьмы?.. За лесами далеко — Ока, земля Рязанская и Муромская, туда стремит свое быстрое течение Клязьма. Владимир лежит на высокой гряде береговых холмов. У их подножия распостерлись поймы и леса, а река выпрямляется, чтобы дальше снова сверкать излучинами под бугром Доброго села с древним Константино-Еленинским монастырем, и так до Боголюбова, где в ее воды вольется прозрачная и тихая красавица Нерль.

В основу Владимира природой положен треугольник. Высокий и широкий с запада он спускается к своей острой вершине на восток; его стороны очерчены водой: с юга — Клязьма, с севера — Лыбедь. Овраги, причудливые и обрывистые, режут гору поперек, с запада они отделяют ее от полей. Один из них зовется «Чертороем». Здесь, на горах, в X—XI веках возник торгово-ремесленный поселок; думают, что это были горожане старых городов края — Ростова и Суздаля, бежавшие от своих хозяев, гордых и высокоумных бояр. Город был молод и безымянен. Его крестил в свое имя лишь Владимир Мономах.

Когда Киевская земля скудела от половцев и усобиц, богатое Залесье стало землей его отца Всеволода. Уже в конце XI века Мономаху пришлось защищать ее от покушений князя Олега черниговского. Клязьминские поймы впервые стали свидетелями кровавой феодальной войны. Клязьминскую береговую гряду высоко оценил Мономах: природа положила здесь пояс реки и как бы огромный вал, прикрывавший Сузdalь и Ростов от черниговской Рязани и Мурома. На нем поставил Мономах свой

«город», дополнив овраги глубокими рвами и насыпав по краям валы — подножие деревянных стен. Это была средняя часть будущего города Владимира. К западу от нее на холме князь поставил свой двор, обнесенный стеной, из-за которой смотрели вдаль узкие окна первой княжеской каменной церкви — Спаса.

Наследник и сын Мономаха князь Юрий Долгорукий не ценил Владимира и своей северной земли. Правда, он защищал ее, совершив поход против волжских болгар и пытаясь усилить ее значение, ослабив Великий Новгород. Но «средой» русской земли он еще считал Киев. Он держал свой стол в Суздале, но его мысли были на Днепре. За Киевский златокованный стол Юрий вел упорную борьбу, посыпая свои полки на юг. Успех был призрачен, и в 1152 году Юрий предполагал осесть на севере: по его приказанию здесь начали строить новые города и храмы. В 1157 году Юрий готов был вернуться во Владимир: рядом с двором отца строился для него новый княжеский двор с дворцовой церковью Георгия; раскопки открыли ее белокаменные фундаменты в основании новой церкви XVIII века. Это было все, что сделал Юрий для Владимира. За господство в Киеве он заплатил жизнью: в 1157 году он умер в Киеве после хмельного пира, возможно отравленный киевлянами, разгромившими после его смерти и его сузальских сподвижников.

Юрий был погребен в придворной церкви Мономаха на Берестове. Его сын Андрей еще в 1155 году ушел с юга во Владимир, нарушив отцовское распоряжение о престолонаследии. Киев не был его мечтой. Он сам дрался в бесплодных походах отца, закалил в них свой боевой дух и вырастил мысль о тщете борьбы за Киев и гибельности княжеских усобиц; он убедился, что Киев стал яблоком кровавого раздора, что «мать городов русских» стала причиной их разъединения и вражды. Политические идеи Андрея заострились его решительным и суровым характером. В его жилах сливалась кровь русских князей с кровью феодальных домов Европы и Азии: его прабабкой была византийская принцесса, матерью отца — дочь английского короля Гита Гаральдовна, отец взял в жены знатную половчанку из рода хана Аепы — от нее Андрей получил скуластое лицо с припухшими веками монгольских глаз и упрямо выдвинутый подбородок. Андрей сочетал политическую хитрость византийца с холодной расчетливостью бритта, стремительность половецких воинов с русской широтой мысли и любовью к родной земле. Он был скор на решения и страшен в гневе; болезнь сделала неподвижными его шейные позвонки, он не мог наклонить головы и носил ее гордо откинутой назад. Слабые

проникались уважением к его могучей воле, бояр оскорбляя его непреклонность. «Андрей, как древний богатырь, чует силу, получаемую от земли, к которой он припал, на которой утвердился навсегда...» (С. М. Соловьев). Он любил свою северную родину с глубокой верой в ее силу.

Андрей не оставил стола в Суздале, откуда еще Юрия выжила старая знать. Он отстранил от себя передних мужей отца, поставив вопрос о беспрекословном подчинении своей верховной власти. Он поставил во главе земли Владимир — город ремесла и торговли, город «мизинных людей». Ростовское боярство было глубоко возмущено: «Несть бо свое княжение град Владимир, но пригород есть наш, а наши смерды в нем живут и холопы, каменосечцы, и древоделы, и орачи (крестьяне)...» Но за семь лет (1158—1165 гг.) княжеская воля превратила этот город в пышную столицу, стремившуюся соперничать с Киевом.

Город действительно напоминал Киев: так же княжеская «гора» господствовала над низменным «подолом» восточной части, а к западу, подобно киевскому Печерску, в зелени деревьев сверкали белые стены и золотые главы храмов княжеского двора. Эту княжескую часть Андрей прежде всего оградил полукольцом земляных валов и стен. Торжественные белокаменные Золотые ворота (1164 г.), подобно триумфальной арке, открывались на здания княжеского двора. Но они были и твердыней городской обороны. Окованные толстыми листами золоченой меди створы ворот прикрывались сверху бревенчатым боевым настилом, разделявшим огромный пролет арки на два этажа; на верху ворот прикрытая зубцами была площадка верхнего боя с небольшой церковью Положения риз на ней (рис. 30). По узкой каменной лестнице в толще южной стены поднимались защитники ворот. Они оставили на стенах магические изображения спасительных крестов. Кроме Золотых ворот, в город вели обращенные к реке Волжские ворота, а с северо-запада — Иринины и Медные. Такие же валы опоясали восточный посадский конец города, замкнув острье его треугольника белокаменными Серебряными воротами, подобными Золотым воротам. Так по сторонам Мономахова города, словно могучие крылья, выросли стены столицы князя Андрея.

Но ее значение было не только местным. Владимир строился Андреем как центр объединенной под его властью Руси: он сгибал спины своего боярства и угрожал самостоятельности Новгорода и Рязани. Андрей хотел сделать владимирскую церковь независимой от Киева и получить в свои руки духовную власть, простиравшую свое влияние

поверх феодальных рубежей. Византийское правительство зорко следило за созидающей работой Андрея и верно угадывало растущую в глубине Европы русскую силу, которая могла бы помешать безраздельной духовной власти греков.

Андрей поставил в 1158—1161 годах над кручей городского холма храм Успения — кафедру будущего русского епископа или даже митрополита (рис. 31). Он не пригласил греческих или киевских зодчих, но вызвал западноевропейских мастеров, которыми пользовался уже Долгорукий. Этим как бы подчеркивалась условность византийского художественного авторитета и утверждалось право Руси на самостоятельный путь культурного роста. Белокаменный обширный собор легко поднимал над крепостными стенами свою сверкающую золотом главу. Его фасады опоясывала изящная романская аркатура с стройными колонками, расписанная фресками, изображающими святых; выше, около узких окон, в белой глади стен играли светом и тенью резные маски львов, загадочно улыбающиеся лики дев и священные изображения; на капителях пилистр как бы трепетала сочная лиственная резьба; скульптурные позолоченные изваяния птиц и кубков завершали капители и закомары¹ фасадов. Отдельные детали — колонки порталов, простенки барабана главы — были окованы золоченой медью. У западных углов собора, подобно киевской Софии, возвышались квадратные лестничные башни, вводившие на хоры и увенчанные золочеными пирамидальными верхами: одну называли «теремом», другая была одновременно «сенями». владычного двора. Ослепительно прекрасный храм был виден издалека: ехал ли посол из дальней Рязани и Болгар — за десять верст мерцал в синем небе снежный и золотой княжеский собор, ехал ли суздальский боярин — с востока собор казался драгоценной короной, возложенной на чело владимирской горы.

Всего более изумляло современников внутреннее пространство храма: стройные столбы легко несли широкие своды и огромный светлый купол, в пятах арок лежали парные львы — звери княжеского герба. Высота, просторность и чудесная акустика храма, его «звонкость» удивляли современников. Летописец не мог найти нужных слов для описания его внутреннего убранства, он сравнил Успенский собор со сказочным храмом Соломона. Серебряные хоросы и паникадила² были чудом ювелирного искусства. Поток

¹ Полуциркульные завершения фасадов, отвечающие расположенным за ними полуциркульным сводам.

² Висячие люстры для свечей и лампад.

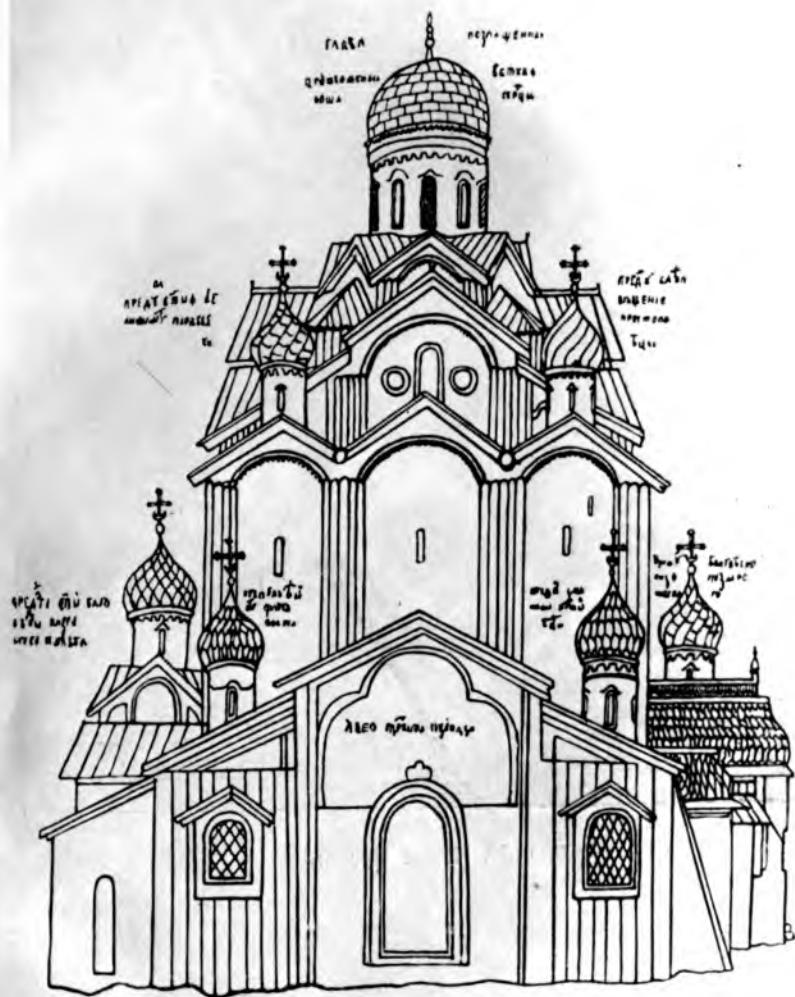

Рис. 25. Псков. Мастер Кирилл. Троицкий собор XIV в. (по рисунку XVII в.)

Рис. 26. Псков. Кремль

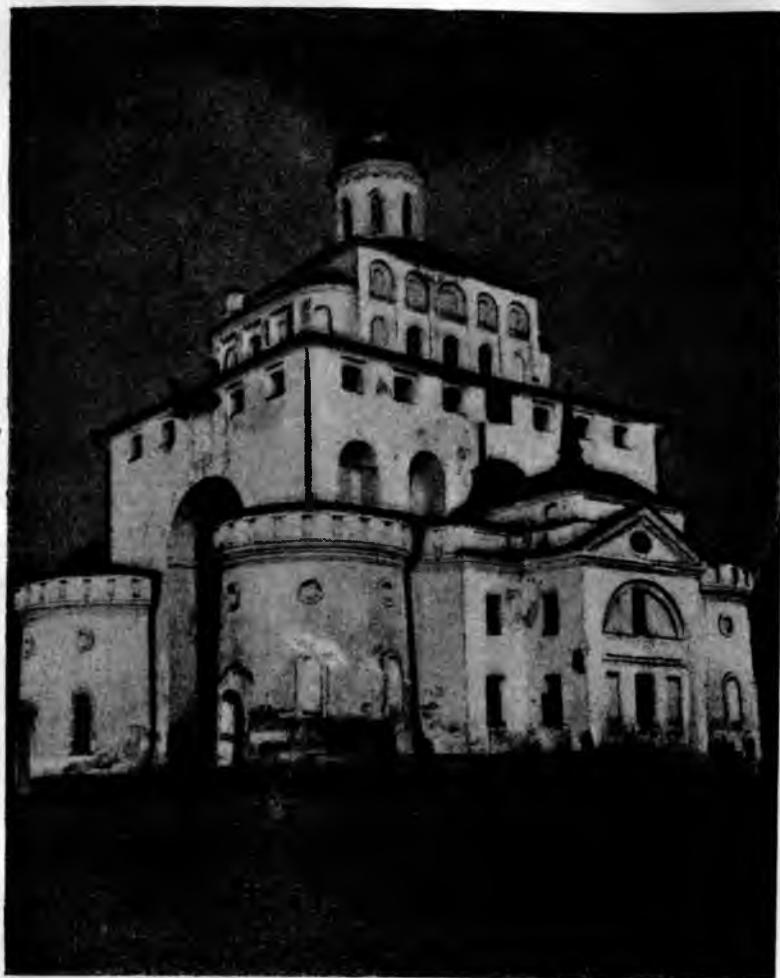
Рис. 27. Псков. Церковь Козьмы и Демьяна на Гремячей горе

Рис. 29. Псков. Гремячая башня

Рис. 28. Псков. Церковь Успения в Паромене

1 Рис. 30. Владимир. Золотые ворота

Рис. 31. Владимир. Успенский собор

3. Рис. 32. Владимир. Димитриевский собор в начале XIX в.

цветных тканей сливался с нежной гаммой росписи, исполненной греческими изографами. Пол из цветных майоликовых плиток отражал снопы солнечного света, падавшие из узких окон, или трепетание пламени свечей в многочисленных хоросах, опускавшихся на цепях со сводов. Центром храма была икона Богоматери, вывезенная Андреем из Вышгорода, окруженная ореолом чудес и почитанием, как защитница нового княжеского города и блюстительница княжеской воли. Летописец рассказывает, как в праздник Успения открывались врата собора и как средь двух «вервей чудных», увешанных драгоценными тканями и облачениями, горожане шли поклониться владимирской святыне...

Собор должен был стать краеугольным камнем общерусского авторитета Владимира. Но киевский митрополит и византийский патриарх отвергли просьбу Андрея о самостоятельности владимирской церкви. Кандидат Андрея на владимирскую кафедру епископ Федор вступил в неравную борьбу. Андрей двинул в 1169 году на юг армию одиннадцати подвластных князей и «за митрополичью неправду» подверг жестокому разгрому Киев. Но церковь была сильнее: епископ Федор пал и был подвергнут, как еретик, мучительной казни. Это было началом конца — оживились консервативные силы, недовольные властной объединительной политикой Андрея. В кругу бояр, близких князю, зрел заговор. В июньскую ночь 1175 года Андрей был убит в своем загородном Боголюбовском замке. Восстание охватило Боголюбово и Владимир: горожане грабили княжих неправедных слуг. Только вмешательство духовенства потушило пламя восстания. У Серебряных ворот встретили горожане траурное шествие и плакали над гробом князя. Его иссеченное мечами убийц тело положили в белокаменный саркофаг в стене Успенского собора. Во Владимирском музее лежат его останки — на костях и черепе рубцы и трещины от страшных ударов.

Но дело Андрея не погибло — его поднимают мощные руки Всеволода Большое Гнездо. Он казнил убийц брата. Народная легенда говорит, что в лесном, черном как ночь и круглом как блюдо, Пловучем озере плавают засмоленные короба с телами казненных бояр и запоздалый путник слышит стоны, нарушающие тишину соснового бора.

Властному слову Всеволода внимала вся Русь. Даже киевский митрополит послушно ставил в северную столицу угодных владимирскому князю епископов. Поступь полков Всеволода слышали народы Поволжья и крамольная Рязань. Автор «Слова о полку Игореве» писал, что воины Всеволода могут расплескать веслами Волгу и вылить ше-

ломами Дон, его знали императоры Византии и Священной Римской Империи. «Сего имени токмо трепетаху вся страны и по всей земли изыде слух его... и Бог покоряше под нозе его вся врагы его» — замечает летописец, назвавший Всеволода Великим.

Андрей оставил брату высококвалифицированные кадры зодчих и мастеров. Всеволод располагал своими русскими силами и «не ища (не искал) мастеров от немец» — это было важнейшее достижение времени Андрея. Перед своей смертью Андрей собирался послать своих владимирских зодчих, построивших Золотые ворота Владимира, в Киев для сооружения там на Ярославовом дворе прекрасной церкви «в память отечеству моему». Андрей как бы подчеркивал, что «его любимый Владимир, помнящий свое культурное «отечество» — Киев, стал его наследником и законодателем русской жизни и художественной красоты. Это гордое сознание подтвердили своими делами владимирские зодчие последней четверти XII века.

На их долю выпала сложная и грандиозная задача восстановить погоревший в пожар 1185 года Успенский собор. Его камень потрескался от огня, его связи выгорели; кроме того, собор становился тесен. Зодчие пошли на смелый эксперимент: они отломали старый алтарь и пристроили новый, более обширный, обстроили храм с трех сторон новыми стенами, связав их с прорезанными арками стенами Андреевского собора, превратив, таким образом, простенки в столбы. Храм Андрея оказался как бы в футляре. Входя теперь в прохладный сумрак собора, мы видим части его наружных стен: пояс колонок, стройные окна, фрагменты росписи в арках пояса. Пространство нового храма стало шире и грандиознее: над вошедшим сначала открывались во всю высоту широкие галереи, и лишь потом, проходя вглубь к алтарю, он видел над собой свод княжеских хор и на нем образы Страшного суда и восседающих на своих тронах апостолов с развернутыми книгами на коленях. В полукруглых нишах стен галереи встали тяжелые белокаменные гробницы владимирских князей. Снаружи собор получил величественную и спокойную широту пропорций; поставленные на углах галерей четыре главы усилили его царственную неподвижность.

Владимирские зодчие блестяще решили свою задачу, слив старый храм и пристройки в органическое целое, создав по существу новый храм (1185—1189 гг.). Его образ с высокой простотой и выразительностью передал и донес до нас дух величия, пронизывающий эпоху Великого Всеволода — время расцвета Владимирской земли.

Фасады собора были лишены украшений, лишь отдельные резные камни со стен старого собора были вставлены по углам окон. В епископском храме избегали декоративного излишества: церковь не одобряла скульптурного убранства, напоминавшего еще живших в памяти языческих идолов. Еще более строгим и монашески скромным был недошедший до нас собор княжеского Рождественского монастыря (1192—1195 гг.), заменивший даже изящную аркатуру сухим и колючим поясом зубчатых городков. Так в искусстве времени Всеволода возвысила свой голос церковная догма.

Но рядом с ней с еще большей силой зазвучала любовь к узорочности и пышности, характеризовавшая вкусы светского княжеского общества и одновременно близкая народным вкусам. Между Рождественским монастырем и Успенским собором, также на видном издалека краю среднего города Всеволод поставил свой дворец; он исчез с лица земли, остался лишь придворный храм — Димитриевский собор (1194—1197 гг.). Теперь это — величественное, но изолированное здание. Но еще в начале XIX века у его западных углов сохранились две лестничные башни, подобные башням Успенского собора; их уничтожила варварская реставрация времен Николая I. Башни связывали храм с двумя крыльями дворцового ансамбля (рис. 32). Археологические разведки установили, что к северу от собора были белокаменные здания, к югу — кирпичные. Храм был их центром, как в Боголюбовском дворце Андрея. По своим пропорциям он был сродни новому Успенскому собору: тот же спокойный и торжественный ритм широких членений фасадов, массивная, но не тяжелая глава — как бы выражали в камне чувство уверенной в себе силы и царственного величия.

То же впечатление усиливала резной убор фасадов собора. На нем зодчие сосредоточили все богатство своей фантазии. На стены храма как бы накинута тяжеловесная узорчатая ткань или парча, свисающая каменной бахромой колонок пояса; орнамент оплетает простенки барабана главы и устилает арки порталов входов. Рельефы лежат строго горизонтальными рядами, полосы резных листов и растений чередуются с изображениями живых существ, зверей, людей и птиц, перемежающихся с фигурами святых, сказочных персонажей, чудовищ и скачущих всадников. Рядом с псалмопевцем Давидом поднимается на грифонах на небо герой любимого средневекового повествования — Александр Македонский. Как в русской сказке, уживаются рядом реальное и вымысел, сплетаются христианское и языческое. Как в живописи новгородской Нередицы, разнообразны ма-

неры художников-скульпторов: одни близко передают округлую пластику тел и мышц, другие обращаются с камнем как с деревом, переводя реальное в условное, изобразительное — в орнаментальное; даже листва капителей становится недвижимой и превращается в причудливый плоский узор, схожий с листьями папоротника. Разные изобразительные средства несут в скульптуру русские каменосечцы и древодельцы-резчики по дереву.

Ученые до сих пор тщетно пытались найти в этой скульптурной декорации какой-то единый, целостный смысл: скорее всего ее смыслом было именно украшение храма, умножение его пышности и великолепия. Среди рельефов на северной стене, обращенной к городу, помещено изображение Всеволода: он сидит на троне, держа на коленях сына, ему поклоняются фигуры людей (рис. 33). В возвеличении Всеволода состояла задача скульпторов храма, и они ее прекрасно разрешили. Если бы камень мог звучать, Димитриевский собор был бы «Словом о полку Игореве». Между обоми величими созданиями народного гения есть глубокая общность: в «Слове» среди образов русской природы звучит глухое припоминание античности — имя Траяна; роспись Димитриевского собора — последний и едва ли не самый утонченный и высокий памятник эллинистических традиций византийского искусства. Гениальный грек был ее автором, но рядом с ним работал его талантливый русский ученик. Следом за русскими зодчими и скульпторами шел русский живописец.

Так сложился монументальный ансамбль владимирской «горы»: двор епископа с Успенским собором, двор Всеволода с собором Димитрия и княжеский Рождественский монастырь. Город тоже рос и с ним рос политический вес горожан. Они иногда поднимали волнения. Однажды на княжий двор к Всеволоду пришли горожане с требованием казни пленных рязанских князей; в связи с пожаром 1185 года в городе «колебание упространился», как скромно выразился княжеский летописец. Поэтому между городом и княжеской «горой» лег пояс стены детинца. Всеволод строил его вместе с епископом Иоанном три года (1194—1196 гг.), но семь истекших веков разрушили его стены и башни, оставив пустое место соборной площади и зелень городского бульвара. Раскопки обнажили здесь лишь фундаменты стен из пористого туфа и мощные белокаменные устои арки ворот. На них епископ Иоанн поставил богато украшенную церковь Иоакима и Анны. Земля сохранила куски тонких фресок, обломки мозаики и майолики полов, резные камни порталов. Ворота были бревенными, воспроизводя арку Золотых

ворот. Союз князя и горожан дал трещину, князь отгородился от неспокойных горожан. Над пригородным торгом на берегу Клязьмы на холме поместился Вознесенский монастырь (восьмидесятые годы XII в.), но торг оставался источником политических волнений. Всеволод повторил политическую операцию Изяслава киевского и «взогнал торг на гору», под стены своего каменного детинца и Рождественского монастыря. Его наследник князь Константин поставил на торгу церковь Воздвижения, как бы изъявляя свое благоволение горожанам (1218 г.).

Церкви Воздвиженья нет, нет стен детинца: ход столетий стер даже камень. Но следы этих памятников раскрывают перед нами многокрасочную, сложную и напряженную жизнь города накануне монгольского нашествия. Однако Владимирская земля слабела. Над гробом Великого Всеволода поднимались центробежные силы феодального дробления, сдерживавшиеся его волей. Они разожгли усобицу между его сыновьями, и обагренные русской кровью мечи начертили рубежи уделов. Владимир отдал гордое имя столицы старому Ростову. Ни одной постройки не возвели больше на его холмах гениальные владимирские зодчие: они ушли в Ростов и Сузdalь, Ярославль и Нижний-Новгород, откуда сын Всеволода Георгий собирался распространить свою власть за Волгу.

Но из глубины Азии уже шли полчища монгол. 3 февраля 1238 года татары осадили Владимир, а 7 февраля враг ворвался сначала в западную часть города через притет и пролом стены у церкви Спаса и около деревянных ворот от Клязьмы и Лыбеди. Затем был взят и средний город. В пламени огня на хорах Успенского собора погибли семейство князя Георгия и епископ Митрофан, а население было перебито...

Черные, как призраки, стояли опаленные и ограбленные храмы над пеплом северной столицы. Они видели, как в муках шла сквозь тяжкие годы XIII столетия порабощенная Русь, как бились на западе Новгород и Псков, отбрасывая от границ родины немцев и шведов, как за хребтом Карпат расцветала впервые спасенная Россией культура Западной Европы, как в русской лесной глухи поднималась из старой Владимирской земли Москва и богатела в верховьях Волги Тверь. Но слава Владимира не умерла. Сюда, на обугленную и политую кровью предков землю, перенес свою кафедру митрополит «всех Руси», подчеркнув правоту трудов Андрея и Всеволода. Великие князья Москвы принимали свою власть под темными сводами Успенского собора. Московские и тверские зодчие смотрели изумленными глазами на поруган-

ную красоту храмов, уносили воспоминание о ней в Москву и Тверь и в своих постройках следовали заветам владимирских зодчих. Москва жадно впитывала соки владимирского культурного наследия.

Наследник победителя Мамая — Димитрия Донского — Василий оплатил этот долг: гениальный художник воскресающей Руси Андрей Рублев, вместе со своим другом Даниилом Черным, возобновил в 1408 году фрески Успенского собора. Кисть московских живописцев вдохнула новую жизнь в поблекшую роспись XII столетия. Глубокой лирикой и взволнованным чувством были проникнуты образы стройных ангелов и людей, населивших стены и своды храма, движение и праздничная радость эхвалили застывший мир церковной живописи. Древний Владимир приобрел величайшее сокровище русского искусства XV столетия (рис. 34). Царственная Москва, создающая в конце XV столетия гордую концепцию римского и царьградского наследия, заимствует свой торжественный убор у Владимира. Сюда едут строители Успенского собора в Кремле, псковские зодчие и итальянский архитектор Аристотель Фиоравенти, чтобы напитать свою мысль красотой «владимирской церкви» Успенского собора и отобразить ее в соборе Московского Кремля. Так Владимир воскресает вновь в Москве.

В архитектуре русского государства вплоть до конца XVII века будут звучать отголоски великого искусства Владимира. Их мы услышим и в нарядных колончатых поясах храмов, и в их живописном сочетании с башнями колоколен и приделами, в композиции богатых хором с их переходами и нарядными вышками «сеней» и во многих других чертах памятников XVI—XVII столетий. Жизненность художественного наследия Владимира XII века определялась связью его искусства с идеями единения и роста силы Руси, которые были и остаются дорогими русскому народу.

БОГОЛЮБОВО

Бемлю Владимирского княжества пронизывает с северо-запада на юго-восток серебристая нить двух рек: волжской и клязьменской Нерли. Закладывая основы княжеского владения на севере, Юрий Долгорукий запер вход в Нерль с Волги, укрепив городок Коснитин. Подчиняя боярскую знать Сузdalя и Ростова, князь Андрей закрыл устье клязьменской Нерли, поставив свой княжеский замок Боголюбов на высоком берегу Клязьмы, у самого слияния рек. Он не принял на себя ответственность за этот смелый шаг, переложив ее на небесные силы: он вез из Вышгорода икону Богоматери, и она «остановила» княжеский поезд, определив «любимое богом» место постройки замка и посвященных ей храмов. Так гласило «Сказание» о чудесах этой иконы, созданное в княжение Андрея. Летописец в посмертной биографии князя отметил, что Боголюбов был построен князем для себя, что это был каменный замок, напоминавший по своему расположению киевский Вышгород. Объединяя свои хвалы, летописец повествовал о чудесном богатстве и красоте храмов, созданных волей князя с 1158 по 1165 год во Владимире и Боголюбове.

С этого времени прошло семь столетий. Время стерло с лица земли замковые стены и здания; только белокаменная лестничная башня с переходом на хоры как-то уцелела при крушении в XVIII веке древнего дворцового собора. Этот обломок древности получил имя «палат князя Андрея Боголюбского». Предполагали, что переход на хоры и есть та «ложница» — опочивальня, где Андрей был убит. Но все же самый дворец представляли в виде двухэтажных деревянных хором, а в возможности каменных укреплений замка сомневались: было прочно мнение об отсталости «деревянной Руси» от «каменного» запада Европы. На месте замка издревле обосновался Боголюбов монастырь, а по

сторонам большой дороги из Владимира к Нижнему-Новгороду разрослось богатое село Боголюбово. Вишневые сады и овеянные легендой «палаты» были гордостью Боголюбова.

Раскопки советских археологов вернули Боголюбову его древнюю славу княжеского Боголюбова-города: земля открыла его облик, который превзошел и легенды, и хвалебные отзывы летописцев.

По краям небольшого четырехугольника в восточной части села, очерченного берегом старой Клязьмы и оврагом с запада, еще и теперь видны древние валы княжеского города. Со стороны речной пристани они имели белокаменные башни; фундаменты одной из них были открыты в обрыве к реке. Подобно Владимиру, Боголюбов-город сочетал земляные и каменные укрепления. Возможно, что их рвы были искусственно обводнены.

За стенами замка располагался сложный ансамбль белокаменного княжеского дворца (рис. 35). Его центром был златоглавый собор Рождества богородицы, украшенный, подобно Успенскому собору Владимира, поясом колонок, резными камнями и золоченой медью, — она оковывала западный портал собора. Его наружный облик был параден и богат, но главные усилия художники сосредоточили на внутренней отделке собора. Пол был устлан толстыми плитами меди, в глубине алтаря за алтарной белокаменной преградой поднималась на тонких колонках драгоценная шатровая сень с скульптурными изображениями Христа, Богоматери и Иоанна Предтечи. Великолепные круглые столбы, расписанные под мрамор, несли высоко поднятые княжеские хоры, а выше на гигантские лиственные капители столбов опирались своды и светлый барабан главы. Греческие живописцы украсили храм фресками; их зеленовато-желтая и коричневатая гамма прекрасно гармонировала с цветными полами хор, вымощенных сверкающей майоликовой плиткой. Сюда, на хоры, князь приглашал послов и гостей, отсюда показывал им пышное убранство храма, богатство драгоценной утвари и красоту богослужения: они дивились могуществу князя и силе христианского бога русских.

По сторонам собора возвышались две квадратные башни с золочеными шатрами кровель; по винтовым лестницам, украшенным живописью, поднимались княжеские гости на переходы к хорам собора. Второй этаж северной башни открывался прекрасным тройным окном, обращенным на пристань и в даль нерльских пойм и клязьменских лугов. Отсюда майоликовый ковер перехода вел в княжеский дворец. Под переходом располагались своды проездов на дворцовую площадь и маленькое помещение для дворцовой

Рис. 33. Владимир. Димитриевский собор. 'Деталь фасада.' Всеволод с сыном

Рис. 34. Владимир. Успенский собор. Андрей Рублев. Деталь фрески

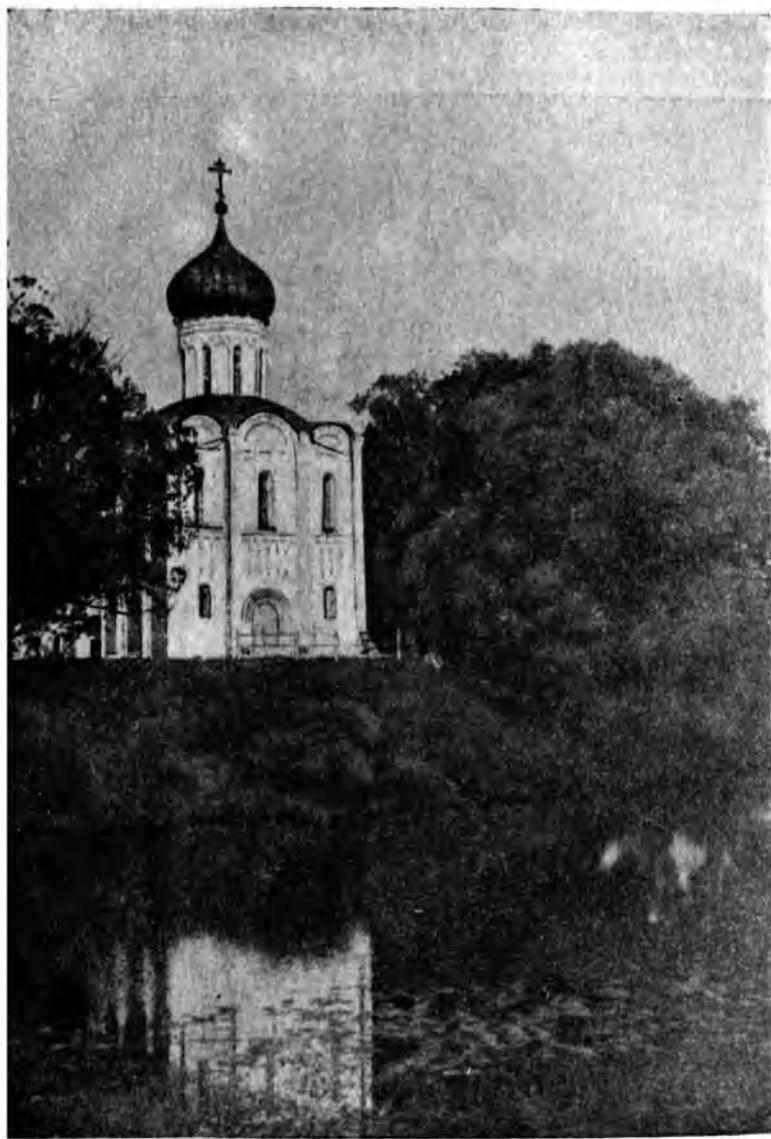

Рис. 36. Боголюбово. Церковь Покрова-на-Нерли

Рис. 35. Боголюбово. Часть дворцового ансамбля (Реконструкция автора)

37. Село Кидекша. Церковь Бориса и Глеба

стражи. Эта аркада нижнего этажа переходов была украшена рельефами, круглой скульптурой и росписью; горизонталь пояса колонок, опоясывая храм, башню и переходы, связывала их в единое целое с двухэтажным каменным дворцом. Через южную башню можно было пройти и на хоры храма, и на переходы к башне южной стены замка: князь мог, не ступая на землю, пройти по амфиладам переходов через хоры собора на крепостную стену.

Но и сама земля, на которой как бы росли стены дворца, была скрыта под сверкающими белыми плитами мостовой, искусно прочерченной тесанными из камня желобами. Огромный и сложный ансамбль дворца, с его скульптурой и красочной декорацией поднимался как бы на белом блюде площади. На ней, перед южной башней, стояла на трехступенчатом пьедестале каменная чаша для освященной воды: стройные белокаменные колонны несли осенявший чашу восьмигранный шатер-киворий. Эта была последняя постройка зодчих Андрея (1165 г.): на одном из камней пьедестала княжеский мастер с гордостью вырезал свой знак. Путники вступали в тень кивория, утоляли жажду, омывали пыль с обветренных лиц и с изумлением осматривали дворец — это подлинное чудо искусства. Ближе к валам и в северной части замка располагались службы дворца, конюшни, склады оружия, жилища придворных — все это было деревянное; только храм и дворец, связанные воедино, поражали своим каменным великолепием.

В своем дворце в июне 1175 г. князь Андрей был убит заговорщиками-боярами. Летопись сохранила драматический рассказ о неравной борьбе в душной темноте княжой «ложницы» (спальни), о том как израненный Андрей полз по изразцовым полам переходов к лестничной башне, как скрылся за ее «восходным столпом», как убийцы по кровавым следам настигли и добили князя...

Дворец был виден издалека, он располагался под углом к высокому речному обрыву и господствовал над широким пространством. Отсюда был виден белевший в лугах на самом слиянии рек Нерли и Клязьмы храм Покрова богородицы, построенный в 1165 году.

Храм Покрова был поставлен на невысоком береговом холме, кругом стлалась зеленая равнина пойм. И, как бы противоречия их глади и спокойствию, с холма устремлялось ввысь изумительно стройное тело белоснежного храма. Безымянный гений андреевских строителей здесь подводил итоги своих творческих исканий и устремлений. Мастера боролись с тяжестью камня и неподвижностью масс привычной схемы храма и он приобрел изысканную легкость:

свет и тень играли на поверхности его стен и их деталей: стена дробилась и теряла свою весомость, пучки вертикалей сложных пилasters влекли глаз кверху, где улыбались лики дев — символы девы Марии, где библейский Давид под пение струн пророчествовал о ней. Внутри храма мастера создали то же поразительное впечатление полета пространства к светлой вершине главы, легко завершающей здание. К его южной стене примыкала башня, вводившая на хоры и украшенная резными изображениями грифонов и барсов — от нее сохранилась лишь арка входа, пересекшая пояс колонок. Башня была ниже храма, она как бы спускалась к берегу; вероятно, каменная лестница шла от нее к воде... Водная гладь повторяла красоту храма: среди золотых кувшинок и белоснежных лилий трепетала белизна его стен и таяло золото купола. Любаясь его отражением, понимаешь тайну рождения легенд о потонувшем граде и колокольном звоне в глубине озер. Но когда от отражения обращаешься взором к стройному телу храма, ясно сознаешь, что мечты и легенды русского народа — лишь отражения его реальной, живой и неиссякаемой творческой силы (рис. 36).

Здесь, у стен Покрова, останавливали свои суда купцы и послы, ожидая вызова в княжеский замок, который сверкал вдалеке белыми стенами башен и золотом кровли...

Боголюбовский замок с успехом выдерживает сравнение с лучшими ансамблями западноевропейского средневековья. Мы можем открыть некоторые общие черты европейского феодального строительства в замысле Андреевского замка, но ни с чем не сравним его глубоко своеобразный облик, в котором мы ясно угадываем наследственные черты, восходящие к каменной архитектуре Киева XI—XII веков, к торжественным башням Софии и к богатому опыту строительства деревянных дворцов знати, с их сложной живописной композицией теремов и башен, клетей и переходов. На эту глубоко национальную основу легли декоративные приемы романского зодчества, подчеркнувшие самостоятельность и прогрессивность устремлений исторического развития великорусского северо-востока.

СУЗДАЛЬ

Аорога от Владимира в Сузdal' идет полями. Они то поднимаются к горизонту, то полого опускаются. По дороге и в стороне от нее — села. Их названия неизменно пробуждают в памяти прошлое: село Батыево — память о злой татарщине, села Павловское и Борисовское — старейшие владения московских князей, названные еще в духовной Ивана Калиты. И, наконец, в глубокой котловине издалека открывается Сузdal'. Множество остроконечных колоколен и церковных глав создает неповторимое своеобразие его ансамбля. Когда отшумела древняя слава города, он стал городом монастырей и храмов, местом ссылки опальной знати и церковных вольнодумцев. Сузdal', как никакой другой город, жил своим прошлым в стороне от большой дороги истории, питаясь старыми традициями культуры и искусства. Поэтому он сберег до наших дней неповторимое своеобразие древности, стал подлинным музеем.

Его упомянула летопись лишь в 1024 году, когда Залесье озарили первые вспышки крестьянских восстаний, спутники победы феодальных отношений и конца старых патриархальных порядков. В это время город еще не сложился в компактное и определившееся поселение, а в конце века он уже выступает как крупный городской центр. Многочисленные курганные могильники в округе Суздаля и по течению Нерли свидетельствуют о густой населенности края, породившей город в крутой излучине нерльского притока — реки Каменки. Здесь уже в конце XI века существует Димитриевский монастырь — опора далекого Киево-Печерского монастыря на севере, а в начале XII века Мономах строит по образцу Печерского собора первый каменный храм Суздаля — Богородицкий собор. Так куль-

турная и художественная традиции Киевской Руси передавались в северные владения Мономаха.

Но его наследник Юрий Долгорукий стремился на юг. Самый Суздаль оказался не по нраву князю: суздальские бояре не разделяли его интереса к Киеву. Юрий поставил свой укрепленный двор на устье реки Каменки под Суздалем и выстроил там церковь Бориса и Глеба (1152 г.), как бы подражая киевскому Вышгороду и связывая свой княжеский городок с национальным культом князей-братьев. Сюда он собирался уйти из Суздаля. Смерть застала Долгорукого на киевском престоле. Единственным воспоминанием о его деятельности в Суздале осталась белокаменная церковь в селе Кидекше. Это название позднейшее предание объясняло как «кинутое» место княжего двора. Простой и тяжеловесный стоит храм Бориса и Глеба на высоком берегу Нерли, обращенный к ней массивными полуцилиндрами своих алтарных апсид. Только поясок аркатуры обегает гладкие поля его стен, а плоские лопатки¹ делят их на широкие доли, завершенные дугами закомар. Подобно суголовому воину, преисполненному внушительной и веской силой, он не скрывает мощи своих обнаженных стен (рис. 37). Здесь были погребены сын Юрия князь Борис и его дочь Евфросиния. Село еще оставалось княжеским боятым именем.

Еще Всеволод III, заботясь о могуществе своей земли, обнес суздальский собор крепким кольцом валов с глубокими рвами, создав начальное ядро Сузdalского кремля. Но Суздаль вскоре становится столицей самостоятельного удела, город разрастается и новое полукольцо валов охватывает его с востока.

Владимирский князь Георгий решается перестроить собор Мономаха, уже не отвечавший новым вкусам строгостью своей архитектуры. Он разрушает его стены и на его месте ставит в 1222—1225 годах новый собор; лишь глубоко под его фундаментами находят археологи основания Мономахова храма со следами орнаментальных фресок на его стенах. Но и постройка Георгия не дошла до нас полностью: в XV веке рухнул верх собора, а в начале XVI столетия собор надстроили кирпичными стенами. Широкий и продолговатый, он первоначально завершался тремя главами. Две из них освещали огромные хоры, перекрывающие почти половину площади храма. Его простран-

¹ Вертикальные членения фасада, выражающие расположение внутренних столбов; в отличие от пилониста, лопатка характеризуется плоской формой.

ство дополняли два боковых притвора, третий — западный был двухэтажный и лестница внутри его стены вела на хоры собора. Собор не имел башни и не был связан с княжеским двором, это был подлинно городской храм, и его обширные хоры предназначались не только для князя и знати; здесь молились именитые горожане и богатые торговцы. Новые вкусы сказались и в убранстве храма: к блеску майоликовых полов присоединились орнаментальность и красочность росписи (1230—1233 гг.), фигуры святых выступали среди широких лент пестрых узоров. Порталы притворов были превращены в пышное резное обрамление драгоценных, писанных золотом по темной меди врат; их изображения, словно миниатюры богато иллюстрированной рукописи, повествовали о евангельских событиях, прославляли Богоматерь, излагали историю мироздания и первых людей. Трезвый и простой практицизм горожан сказался и в самой кладке стен из грубого известкового туфа: на его шероховатой поверхности особенно ярко выделялись белокаменные резные детали — пояс и порталы, цоколи и рельефы. Южный фасад, обращенный на городскую площадь, был убран богаче остальных, здание приобрело главный фасад — это было также новой чертой в архитектуре собора. Суздальские зодчие свободно развивали строительное искусство. Но через 5 лет после окончания росписи собора, в 1238 году, татары сожгли город.

Однако уже довольно скоро Суздаль оправился от тяжкого удара: рядом с Ризположенским монастырем, основанным еще в 1207 году, Александр Невский основывает Александровский монастырь; епископ Кирилл ремонтирует сожженную татарами церковь Бориса и Глеба в княжеской Кидекше. В XIV столетии Суздаль на некоторое время становится политическим центром Суздальско-Нижегородского княжества. Как форпосты городской крепости, на север и запад от нее вырастают княжеские монастыри: Покровский (1364 г.) в низине за Каменкой и Спасо-Евфимиев (в середине XIV в.). В 1455 г. у его стен происходит крупная битва с татарами. К этому времени Суздаль уже вился в состав московских земель (1392 г.).

XVI столетие оставило в Суздале ряд первоклассных архитектурных памятников и положило основу его своеобразного ансамбля.

В 1518 году Василий III обстраивает каменными храмами Покровский монастырь. Трехглавый Покровский собор, связанный позже живописной галереей с колокольней, уютная надвратная церковь Благовещения и большая трапезная церковь Зачатия делают Покровский монастырь одним из

выдающихся архитектурных комплексов города. Это щедрое строительство Василия III было подготовкой к одному из трагических событий истории русского быта — заключению в Покровском монастыре великой княгини Соломонии Сабуровой, несправедливо обвиненной Василием III в бесплодии. Самые наименования храмов должны были напоминать невольной монахине о возведенном на нее тяжком обвинении. Романтическая легенда и ореол святости овеяли имя опальной Соломонии. Ее судьба стала уделом многих русских женщин: Грозный сослал сюда в 1576 году свою жену Анну Колтовскую, в 1698 году в суздальской ссылке оказалась жена Петра I Евдокия Лопухина. В монастырь стекались богатейшие вклады, сделавшие его ризницу одной из сокровищниц древнерусского искусства. XVII столетие окружило ансамбль монастыря легкой оградой с шатровыми башенками (рис. 38).

На горе противоположного берега в XVI—XVII веках вырос огромный ансамбль Спасо-Евфимиевского мужского монастыря с мощной километровой крепостной стеной и 12 каменными башнями (рис. 39). Ее красно-белый пояс обрамляет группу интереснейших храмов XVI века: прекрасный собор, несущий по традиции суздальский колончатый пояс; первоначально трехшатровую трапезную (1525 г.); сложный массив звонницы, сочетавший граненый столп колокольни XVI века с монументальной стеной звонницы XVII столетия и украшенный богатейшими архитектурными деталями; наконец, надвратную Благовещенскую церковь (до 1660 г.), первоначально завершавшуюся двумя шатрами. Так монастырь стал своеобразным музеем русского зодчества. Он памятен и как место погребения князя Димитрия Михайловича Пожарского — героя борьбы с польскими захватчиками начала XVII века.

От старого Ризположенского монастыря уцелело немного зданий. Его древний собор (около 1526 г.) был, повидимому, построен ближним боярином Василия III Шигоней-Подгожиным, жестоким исполнителем насильтственного пострига Соломонии. Из зданий XVII столетия сохранились лишь замечательные двухшатровые святые ворота — одно из выдающихся произведений архитектуры XVII века (рис. 40).

XVII век превратил и древний городской собор в центр интересного архитектурного ансамбля — рядом с ним был построен суровый восьмигранник колокольни (1635—1636 гг.); с запада соборный двор замкнул сложный комплекс зданий архиерейского дома (1682 г.), слившихся теперь в единый массивный корпус.

Эти замкнутые оградами крупные ансамбли суздальских монастырей и Кремля с его собором возвышались над пестрой и разнообразнойстройкой городских деревянных жилищ и прихотливым лабиринтом улиц и переулков. В черте внешнего вала была обширная торговая площадь, которую в XVII—XVIII веках окружили приходские храмы, простые и богато убранные изразцами и лекальным кирпичом, но всегда поставленные с глубоким, свойственным русскому зодчеству, чутьем ансамбля. Излюбленные суздальскими зодчими шатровые колокольни переходят и в XVIII век, как будто новые художественные идеи петровского времени некоснулись напоенного красотой прошлого воображения мастеров. Они придают шатру своеобразную вогнутую форму, порой сближающую его с необычайным шпилем башни и культивируют стремление XVII века к узорочности фасада, сложным наборным наличникам и порталам, цветным изразцам и прихотливому рисунку глав и деталей. Суздальские мастера XVIII века оставили нам такие прекрасные постройки, как церковь Николы в Кремле (1720 г.), поэтическая церковь Козьмы и Демьяна над рекой Каменкой (1725 г.), как церкви Воскресенская (1720 г.), Входо-Иерусалимская (1707 г.) и Царе-Константиновская (1707 г.) церкви у торговой площади (рис. 41). Зодчие как бы останавливают время, и уходящая древняя Русь задерживается в Суздале; жизнь не доносила в глушь владимирской провинции новых художественных норм и идей. Их заслонял дым ладана у гробниц суздальских святых и заглушал серебряный перезвон десятков колоколен...

ПЕРЕЯСЛАВЛЬ-ЗАЛЕССКИЙ

Между Москвой и Ярославлем лежит небольшая станция Берендеево. Отсюда начинается огромное торфяное Берендеевское болото, овеянное древними легендами и преданиями. Старая русская сказка о счастливом веке доброго царя Берендея связана с этим краем. От железнодорожного полотна холмятся, уходя к краю неба, поля; шоссе вьется то хлебами, то звенящими перелесками — это дорога к древнему Переяславлю-Залесскому.

Город живописно раскинулся по берегу Плещеева озера. Круглое, как огромное хрустальное блюдо, оно замкнуто в бархатную раму полого вздымющихся берегов. Рыбные богатства озера привлекали сюда человека с глубокой древности — здесь археологами обнаружены следы неолитических поселений. Ярилина гора на северном берегу озера — свидетель древнейшего обитания здесь славян. К берегам озера подходит массив переяславского чернозема — редкость в хвойном и лиственном царстве среднерусской полосы; он издавна манил земледельцев, и край был густо населен. По берегам озера, на склонах холмов, расположены древнейшие в этом крае курганные некрополи, оставленные русским земледельческим населением. Неподалеку от Ярилиной горы в X—XI веках возник предшественник современного Переяславля, русский город Клещин — маленькое укрепление с невысокими земляными валами.

В XII веке интерес к этому богатому краю возрос, и князь Юрий Долгорукий перенес город на устье реки Трубежа; здесь в 1152 году им было сооружено мощное кольцо земляных валов общим протяжением в $2\frac{1}{2}$ километра; по гребню вала шла бревенчатая крепостная стена с 12 башнями. Князь прочно осваивал черноземное «ополье» княжества: вместе с Переяславлем выросли новые княжеские

Рис. 38. Суздаль. Покровский монастырь

Рис. 39. Суздаль, Спасо-Евфимиев монастырь, Башня

Рис. 40. Суздаль. Ризположенский монастырь. Святые ворота

Рис. 41. Суздаль. Церковь Константина и Елены

крепости — Юрьев Польской и Дмитров. Рядом с Переяславским валом княжеские зодчие построили в 1152—1157 годах маленький белокаменный храм Спаса (рис. 42). Простой, суровый и тяжеловесный, увенчанный массивной главой, храм был как бы символом прочности и моши княжеской власти. Внутри он был покрыт прекрасной фресковой живописью, его полы были выстланы нарядными цветными майоликовыми плитками. Между собором и валом раскопки открыли неясные следы деревянных зданий княжеского двора, вероятно связанных переходами с хорами храма.

В XII—XIII веках Переяславль был крупным политическим центром. Князь Александр Ярославич Невский был переяславским князем, его сын Дмитрий и внук Иван были погребены под сводами Спасского собора. Став владением московских князей, Переяславль резко усилил их могущество и определил их перевес в борьбе за объединение феодальной Руси. Потом город отходит от политической жизни страны, пробуждаясь вновь лишь в XVI столетии, когда через него на Вологду к берегам Белого моря проходит путь оживленной московско-английской торговли. Рядом с древним собором Спаса, в центре города оживляется «государев двор», на котором в восьмидесятых годах строится изящная шатровая церковь Петра митрополита, поднятая на высоких «подклетах»¹ (рис. 43). XVI век — столетие быстрого роста города. В нем строятся новые каменные храмы и монастыри. Они обступают дорогу к Москве.

Еще в XIV веке высокий господствующий над озером холм занял Горицкий монастырь; его архимандрит скрепил своею подписью договорную грамоту сына Калиты, московского князя Симеона Гордого. Сейчас монастырь опоясан живописной оградой XVIII века со стройными восьмигранными башнями; ее святые ворота с надвратной церковью — одно из великолепных произведений русской архитектуры конца XVII века: под руками безымянного зодчего кирпич уподобился причудливому кружеву, в которое мастер включил излюбленные народным искусством лепные фигуры коньков (рис. 44). В монастырских зданиях разместился основанный в 1918 году Переяславский музей.

Напротив Горицкого монастыря возник Троицкий монастырь, основанный в 1508 году близким к великому князю Василию III монахом Даниилом. Здесь в 1532 году ростовский зодчий Григорий Борисов выстроил изящный, одноглавый с гранеными алтарными апсидами Троицкий собор: в 1668 году он был украшен сохранившейся до наших дней

¹ Подклет — нижний этаж.

фресковой росписью, над которой работала артель русских живописцев, возглавляемая Гурием Кинешемцевым. XVII веку принадлежат и остальные здания монастыря: монументальная шатровая колокольня (1689 г.) и парадный корпус трапезной палаты (1696 г.). Построивший ее князь И. П. Барятинский, бывший русским послом в Кардисе и постригшийся в монашество в Даниловом монастыре, был сведущим в европейской архитектуре человеком; в порядной записи на постройку трапезной он оговорил подробнейшим образом ее мельчайшие декоративные детали.

Дальше по московской дороге расположен основанный в XV веке Федоровский монастырь, сохранивший построенный Иоанном Грозным в 1557 году величественный собор. Еще дальше у дороги возвышается небольшая шатровая часовня над крестом, поставленным, по преданию, на месте рождения сына Грозного — Феодора.

К XVI столетию относится и прекрасный ансамбль храмов и гражданских зданий Никитского монастыря, расположенный на северном берегу озера (рис. 45). Монастырь основал в конце XII века жестокий сборщик податей Никита; под старость он ушел сюда в затвор, но и здесь его настиг гнев народа: он был убит горожанами, а церковь прославила его, как святого. Василий III в 1523 году поставил над его тробом маленькую церковку с характерными трехлопастными фасадами; в 1564 году к ней примкнул огромный пятиглавый собор, построенный Иоанном Грозным; церковка Василия III стала приделом нового храма, в строгом равновесии с ней зодчие построили северный придел, имевший первоначально, повидимому, шатровый верх. Внутреннее пространство собора характеризуется торжественной обширностью и величием, огромный барабан центрального купола несут единственные в древнерусском зодчестве стрельчатые арки. Монастырь был одним из важных центров опричнины, учрежденной Грозным, и царь обнес его мощной и живописной крепостной оградой с башнями разнообразных форм. С оградой и собором гармонирует трапезная церковь Благовещения с красивой шатровой колокольней. С нее виден голубой простор озера, лежащий в озерной котловине город и синеющие на западном берегу сосновые боры...

РОСТОВ-ВЕЛИКИЙ

Иодобно Новгороду, Ростов остался в народной памяти с эпитетом «Великий». Его называли также «многонародным». Это — впечатление глубокой древности, когда в исходе первого тысячелетия нашей эры Ростов был старейшим центром русской государственности на северо-востоке. Среди городов средней России Ростов — патриарх, но время не сохранило до нас памятников первых столетий его жизни, словно болотистые берега сурогового озера Неро поглотили остатки прошлого этого города. Ростов называет легенда о призвании князей, на его долю шла часть контрибуции, наложенной в начале X века Олеговым договором на Византию. До XI века он лежит в стороне от интересов Киевской державы, и лишь процесс феодального дробления Руси включает Ростовский край в сферу владений князя Всеволода Ярославича. Посланец днепровского юга пещерский монах Леонтий, насаждая в конце XI века христианство, вступает в борьбу с язычеством, но падает жертвой языческого восстания. Легенда приписывает Авраамию ростовскому разрушение идола Волоса, стоявшего на одной из площадей города.

В начале XII века Владимир Мономах построил здесь, как и в Суздале, каменный городской собор Успения богородицы по образцу Великой церкви Киево-Печерского монастыря. Он был кафедрой ростовской епархии, но за весь XII век в Ростове не выросло ни одного нового храма.

Упорным было не только язычество; за свою независимость в течение всего XII века боролось с владимирскими князьями родовое ростовское боярство, презиравшее новые города и особенно Владимир, ставший столицей земли и центром культуры и искусства. Народные былины помнят образ заносчивого и хвастливого ростовского богатыря Алеши Поповича и его верного оруженосца Торопа, а мест-

ные древние предания указывали даже «соп», т. е. укрепленную валами усадьбу древнего «храбра».

Лишь незадолго до монгольского завоевания Ростов возвращает себе права столичного города. Князь Константин Всеолодович переносит сюда свой престол и начинает обстройку и украшение города, продолженные ростовскими епископами. Но и от всего этого большого строительства, от богато украшенных храмов сохранились лишь ничтожные фрагменты, свидетельствующие о своеобразии и силе ростовского искусства. В ростовском музее хранятся две фигуры лежащих львов, высеченных из белого камня и украшавших портал одного из храмов. О высоком развитии пластики свидетельствуют и бронзовые львиные маски, заставшие в пасти массивные кольца «золотых дверей», поставленных в собор епископом Кириллом II. В епископской библиотеке хранились пергаментные фолианты рукописей, украшенных прекрасно выполненными миниатюрами; епископ Кирилл I был, по свидетельству летописи, так богат книгами, как ни один из его предшественников. Самого ростовского князя Константина легенда рисует как любителя книг и основателя школы в Ростове.

В тяжкие столетия монгольского ига Ростов имел большое значение как политический центр северо-востока, а затем как центр ростовской епископии, охватывавшей широкую территорию до Устюга и Белозерска. В этом крае в XIV—XV столетиях шла еще во многом неясная для нас большая культурная работа: в Ростове развивалась оживленная летописная и литературная деятельность; в «зеленую пустыню» севера продвигалась монастырская колонизация — строились укрепления и храмы монастырей; в Великом Устюге в 1290 году была срублена величественная шатровая церковь Успения, перестраивавшаяся в конце XIV и XV веков и являвшаяся одним из предшественников гениального собора Василия Блаженного в Москве; в том же Устюге мастер Ипатий сберег секреты ростовских мастеров XIII века — изумительной техники медных изделий, украшенных золотым рисунком, — и изготовил в 1336 году замечательные врата для новгородского архиепископа Василия (теперь в б. Успенском монастыре г. Александрова). В конце XIV и начале XV веков ростовский епископ Григорий вел большое строительство и восстановил упавший Успенский собор. Все эти разрозненные факты свидетельствуют о большой культурной роли Ростова в темное время татарщины и объясняют появление в конце XV века крупных ростовских зодчих, работающих на обстройке Москвы.

Сам Ростов сохранил два замечательных памятника,

созданных Андреем Малым, ставшим придворным зодчим Московского государя. Повидимому, он построил в 1554 году собор Авраамиева монастыря (рис. 46), в котором предвзял художественные идеи XVII века; он сочетал в смелой живописной асимметрической композиции пятиглавый храм состройной колокольней и шатровыми приделами, объединенными открытой папертью. В этом произведении сказался лежавший за спиной зодчего вековой опыт ростовских мастеров, работавших и в дереве и в камне и усвоивших художественные законы народного деревянного зодчества. Несомненной постройкой Андрея Малого является церковь во имя ростовского святого Исидора Блаженного (1556 г.), повторяющая тип маленьких бесстолпных храмов с изящным трехлопастным верхом. Оба храма Андрей строил по заказу Иоанна Грозного. В том же XVI столетии на месте обветшавшего Успенского собора был выстроен новый колоссальный храм, сохранившийся с незначительными изменениями до наших дней. Ростовский зодчий «церковный каменный здатель» Григорий Борисов выстроил в 1522—1526 годах собор и трапезную церковь Борисоглебского монастыря под Ростовом, получившего в XVI—XVII веках великолепную ограду, сочетающую боевые стены и башни с пышными надвратными храмами (рис. 47).

Но художественная слава Ростова была неизмеримо умножена XVII веком, когда на берегах озера Неро выросла подобная сказочному городу резиденция ростовских иерархов — Ростовский Кремль (семидесятые — восьмидесятые годы XVII века). Его создателем был единомышленник патриарха Никона — митрополит Иона Сысоевич. Никон стремился взвеличить государственную мощь русской церкви; его тезис о преимуществе «духовного меча» воплощался и в пышном ритуале церковных служб, и в грандиозных архитектурных сооружениях; в своем подмосковном Ново-Иерусалимском монастыре Никон воздвиг монументальную и глубоко переосмыщенную копию иерусалимского храма Гроба господня. Ростовский митрополит, попавший в опалу после падения Никона, продолжал в своем ростовском уединении жить его горделивыми идеями; он развернул широкое строительство и опоясал свою резиденцию около Успенского собора мощными стенами, подражавшими стенам Московского Кремля русских государей. Над богато украшенными воротами вздымались ввысь стройные надвратные храмы, фланкируемые по сторонам башнями. Образ «церкви воинствующей» руководил архитектурной фантазией Ионы, но она была также полна и впечатлениями красочной и декоративной архитектуры XVI—XVII веков.

На своей родине в ростовском сельце Ангелове он, по преданию, выстроил великолепный деревянный храм, напоминавший одновременно и Василия Блаженного, и собор никоновского Ново-Иерусалимского монастыря. Теми же идеями жили зодчие Ионы: они лишили композицию надвратных храмов чопорной симметричности, раскрыли стены башен и ворот широкими окнами с сочными наличниками, оживили их гладь игрой света и тени в ширинках и на глазури изразцов, придали ансамблю черты жизнерадостной праздничности и театральности (рис. 48).

Через залитые светом галереи папертью богомольцы попадали в широкий зал надвратного храма, украшенного яркой живописью. Площадка перед алтарем была, подобно сцене, приподнята на уровень глаз молящихся. Здесь в ослепительной парче облачений плавно двигались священнослужители и звенели песнопения митрополичьего хора. В домовой церкви Ионы «Спасе на сенях» эту храмовую «сцену» ограничивала аркада на вызолоченных столбах.

Внутри стен Кремля располагался сложный ансамбль митрополичьих палат с огромным приемным залом, службами и корпусом жилых теремов, связанных между собой переходами. Самые стены Кремля служили связью между отдельными зданиями: по ним можно было, почти не сходя на землю, обойти кругом Кремля и окинуть взором город, подступавший к митрополичьему замку с трех сторон, и могучую ширь озера Неро.

ЯРОСЛАВЛЬ

Тихая извилистая Которосль долго плутает лугами, прежде чем слиться с Волгой. В устье она вырывается высокий береговой мыс. С него видны голубеющие дали Заволжья и широкая лента Волги, уходящая плавным изгибом к горизонту. Этот мыс — Стрелка — место древнейшего поселения человека на территории современного Ярославля. Здесь раскопками были обнаружены культурные остатки середины первого тысячелетия до нашей эры. Красочная легенда, сохранившая народной памятью, рассказывает об этом древнем поселении, называвшемся якобы «Медвежьим углом» и почитавшем священного зверя — медведя. Этот культ дожил здесь до XI века, когда князь Ярослав Мудрый, усмиряя потрясавшее Поволжье восстание язычников — смердов, покорил и древнее селище на устье Которосли, зарубил священного медведя, и в 1024 году основал рядом с «Медвежьим углом» княжескую крепость. На Стрелку легло кольцо укреплений феодального Ярославля.

В 1218 году город стал центром самостоятельного княжества. Сын великого Всеволода III, ростовский князь Константин, стремился в украшении своих городов подражать роскошным постройкам Владимира. Княжеские зодчие возводили здесь первые каменные храмы — Успения (1215 г.) и Спаса (1216 г.). Эти древнейшие постройки города были очень эффектны: стены из желтовато-красного кирпича были украшены резными из белого камня рельефами и тесанными деталями. В Ярославском музее хранятся найденные при раскопках фрагменты этих украшений: резная львиная маска, обломки капителей и профилей. Строители не только прекрасно владели искусством белокаменной резьбы, прославившей владимирских зодчих, но были широко знакомы с художественным опытом других княжеств, в частности

Черниговского. Внутри храмов были цветные майоликовые полы и богатая фресковая роспись.

Расцвет города был прерван татарским нашествием. Ярославль был сожжен. Но его культура и искусство не умерли: город снова отстраивается, его разросшийся посад ограждается новой стеной Земляного города, в Кремле строятся богатые живописные хоромы ярославских князей с рублеными вышками теремов и сеней, висячим переходом между дворцом и собором. От начала XIV века сохранился прекрасный документ художественной культуры Ярославля — пергаментное евангелие, написанное в память князя Федора Ростиславича Черного; роскошная выходная миниатюра изображает святого воина Федора Стратилата в золотых латах с тонким копьем и красным щитом, украшенным гербом владимирских князей — хищным барсом.

Еще в 1262 году ярославские горожане поддержали охватившее северо-восток восстание против татар. В дальнейшем Ярославль неизменно тянулся к Москве, помогая московским князьям растить силы для борьбы с татарами; ярославские дружины сражались с ордами Мамая на Куликовом поле. Поэтому Ярославль вошел без борьбы и крови в 1463 году в состав Московского государства.

Московские князья дорожили богатым и сильным волжским городом. После страшного пожара 1501 года сми расширили и перестроили заново Успенский собор и окружили каменной крепостной стеной обновленный храм Спасского монастыря (1516—1536 гг.) и монастырские здания. Монастырь стал крупным культурным центром; в его богатой библиотеке сохранилась до конца XVIII века рукопись великого памятника русской литературы XII века «Слова о полку Игореве». Рядом с Ярославлем лежала усадьба князя Андрея Курбского, известного автора переписки с Грозным, и вотчина боярина Фомы Колычева — будущего русского митрополита Филиппа. Развитие торговли с Западной Европой сделало в середине XVI века Ярославль крупнейшим торговым городом России. Расположенный на скрещении оживленного пути от Москвы к портам Белого моря с великим путем восточной торговли — Волгой, город быстро рос и богател. В памятные для России годы борьбы с иноzemными врагами в начале XVII века из Ярославля шли народные полки на освобождение родины от захватчиков.

XVII столетие увенчивает историю Ярославля необычайным расцветом культуры и искусства. Неудержимо росло богатство города и ширилась его торговля; в нем насчитывали до 30 иностранных торговых контор, на рынке была лавка купцов из далекой Индии; мягкие цветные кожи и

Рис. 42. Переяславль-Залесский. Спасо-Преображенский собор

Рис. 43. Переяславль-Залесский. Церковь Петра Митрополита

Рис. 44. Переяславль-Залесский. Горицкий монастырь. Ворота

Рис. 45. Переяславль-Залесский. Собор Никитского монастыря

Рис. 46. Ростов-Великий, Мастер Андрей Малый (?). Собор Авраамиева монастыря

Рис. 47. Борисоглебский монастырь под Ростовом. Ворота

узорчатые изразцы распространялись из ярославских мастерских далеко за пределы города; развертывавшееся строительство ярославской торговой знати питало сказочный расцвет архитектуры и живописи.

Строительство ярославских купцов, как бы соревновавшихся друг с другом в постройке храмов, открывает богатый гость Надея Светешников. Построенная им в 1621 году церковь Николы еще проста и непрятательна, храм кроется на четыре ската, уподобляя «дом бога» жилищу горожанина. Строители трезво смотрят на огромную силу воздействия архитектуры: великолепный храм — не только щедрый дар божеству от накопленных сокровищ, но и средство монументальной пропаганды экономической мощи и возможностей строителя. Выходцы из среды рядовых горожан — именитые купцы Поволжья соединяли в себе любовь к жизнерадостной красочности народного искусства с стремлением подчеркнуть свой растущий социальный вес, свое сближение с царским двором и феодальной знатью. Поэтому в их постройках величественный пятиглавый храм сочетается в широком живописном ансамбле со светлыми папертями, крыльцами, стройными приделами и колокольнями, соединяя в ликующее целое строгое величие собора с прихотливой игрой форм народного зодчества.

Купцы Скрыпины, составившие свои огромные богатства на торговле драгоценными камнями и жемчугом, поставили в 1647—1650 годах в центре города церковь Ильи-пророка (рис. 49); первоначально она была окружена оградой, вставшей кладовые для сокровищ именитого строителя, и, на первый взгляд, походила на монастырь. Вокруг было море деревянных жилищ горожан. Храм поднимался над ними на высоких подклетах, занятых складами и усыпальницей Скрыпиних; еще выше вздымалась стройная шатровая колокольня и увенчанный шатром придел. Части ансамбля располагались как бы в преднамеренной асимметрии, усиливавшей живописность и изысканную декоративность целого. Во внешней отделке храма изразцы заменялись резными из белого камня ажурными медальонами; его стены внутри покрыл ковром фресок (1680—1681 гг.) живописец Гурий Никитин, работавший в царских соборах Московского Кремля.

Одновременно со Скрыпиними, в 1649—1654 годах купцы Неждановские строили храм Иоанна Златоуста в Коровниковской слободе за Которослью (рис. 50). С той же поразительной изобретательностью мастера объединили в своей постройке нарядность и строгость, величие с жизнерадостной яркостью композиции. На белом фоне стен четко прорисовывались красные кирпичные тяги и декоративные налич-

ники, красочное изразцовое панно охватывало окно алтаря. Выдвинутые вперед открытые крыльца с остроконечными фронтонами как бы стремились навстречу богомольцу, маня его в полутень опоясывающих храм открытых галерей. Пятиглавый массив собора с симметричными шатровыми приделами был подчеркнуто строг, и, как бы противореча его спокойствию, поодоль от храма стремилась к небу стройная тридцативосьмиметровая колокольня. Вместе с теплым храмом Коровниковская церковь образовала, подобно Ильинской церкви, живописный ансамбль, органически связанный с природой и средой городской застройки.

Та же мысль о прочной связи храма с миром, с землей еще ярче сказалась в церкви Николы Мокрого (1665—1672 гг.): ее крыльца, соединенные с храмом крытыми переходами, выходили на дорогу; сверкающая зеленая глазурь фасадных изразцов крылец и черепицы кровель как бы отражала изумрудную луговину, на которой стоял храм (рис. 51).

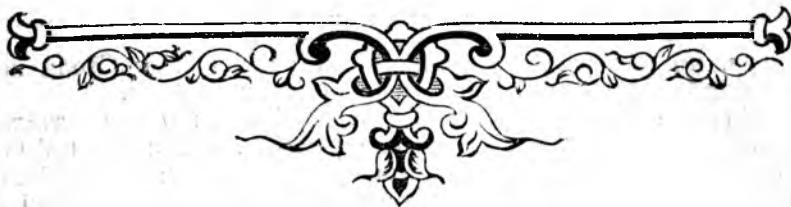
Вершиной искусства ярославских зодчих был храм Иоанна Предтечи в Толчкове, ремесленном предместье Ярославля. Церковь была выстроена в 1671—1687 годах на мирские средства: деньги, товары, земля, драгоценные камни записывались в книгу пожертвований; для выделки причудливого лекального кирпича были созданы заводы. По своей композиции Толчковский храм был близок церкви в Коровниках, но вместо шатров приделы были увенчаны синими группами луковичных глав, превратившими здание в пятнадцатиглавую церковь; рядом с ней вздымалась ажурная многоярусная колокольня. Зодчие испещрили поверхность стен храма дробным узором колонок, изразцов, фигурными деталями из лекального кирпича; раскраска алтарей подражала кладке из граненых камней (рис. 52). Любовная рука художника не оставила без внимания ни одной детали — все было превращено в произведение искусства. Орнаментальному мастерству кузнецов вторили резчики по дереву. Народная любовь к красоте и украшенности мира и вещи была выявлена в Толчковской церкви с предельной полнотой. Архитектура храма резко отступала от феодальной строгости и сухости выражения предшествующего времени и превращалась в ликующую симфонию народной художественной фантазии.

По тому же пути шли ярославские художники, украшавшие живописью стены храмов. Толчковская роспись кисти Дмитрия Герасимова и его мастеров, исполненная в одно лето, занимает одно из первых мест в мировой монументальной живописи по количеству изображенных сюжетов и

фигур, по обширности и сложности содержания. Столь же многосложной была роспись церкви Ильи-пророка.

Интерес к житейской повествовательности и занимательности характеризует ярославские росписи. Их авторы были увлекательными рассказчиками и одаренными богатейшей изобразительной фантазией художниками, неистощимыми в создании новых тем и сюжетов. В папертях, где отдыхали богомольцы, живописцы развертывали перед их глазами красочные сюиты назидательных новелл, поучительных и сложных аллегорий, поясненных надписями и сдобренных чувством народного юмора. На ярко освещенных стенах храма размещались в несколько ярусов изображения евангельских событий, притч, деяний апостолов и церковных праздников. Живой оптимистический дух ярославских художников оживлял своим горячим прикосновением и эти канонические темы, переводя на язык общепонятных образов священные сюжеты: пророк Елисей шел по золотистому полю ржи среди русских жниц с серпами (рис. 53). Канн пахал землю на белой лошадке, впряженной в русскую соху, библейские герои выступали в богатых русских одеждах, Иродиада плыла в русской пляске в тяжелом русском сарафане, на пиршественных столах красовались пышные калачи и русская посуда. Обилие выхваченных из жизни реалистических деталей лишало церковные сюжеты их догматической отвлеченности, сближая язык живописи с языком народных сказок; ее звонкая красочность придавала даже мрачным сюжетам радостную напряженность. В руках ярославских художников уже были привозные гравюры, знакомившие их с произведениями реалистического искусства Запада. Они осмеливались изобразить в росписи обнаженное женское тело, с увлечением воплощали на стенах храма лирическую символику «Песни песней», но не покидали привычных изобразительных методов с условной трактовкой движения, обратной перспективой и плоскостностью рисунка. Оставаясь в рамках старых изобразительных приемов, ярославцы внесли в церковную живопись столь мощную струю жизнеутверждающего народного оптимизма и интереса к реальным вещам окружающего мира, что церковная роспись теряла свою культовую ограниченность и становилась народным искусством, прокладывавшим дорогу реализму XVIII века.

М О С К В А

Москва... С этим именем неразрывны и сегодняшний день, и глубокое прошлое родины, и ее будущее. В глубокой дали XII века Москва — маленький и незаметный пограничный городок Владимирского княжества, выросший на месте владений боярина Кучки. Первое упоминание о Москве в летописи относится к 1147 году, а археологические находки на территории города уводят начало поселения на берегах Москвы и Яузы еще глубже, в долетописные времена.

В XIII веке в московский край стекался народ, согнанный татарским разорением с насиженных мест; в его лесную глушь не часто проникали татарские отряды. Средоточие народных сил вокруг Москвы было основной причиной того, что малозначительные владельцы Москвы — сын и внук Александра Невского Даниил и Юрий — смогли начать расширение своей земли. Первыми их приобретениями были древний Переяславль-Залесский, Коломна и Можайск, а брат Юрия — Иван Данилович Калита уже смог поднять руку на Новгород и богатую Тверь, подсекая под корень ее борьбу за независимость. Церковь оценила растущую силу Москвы, и митрополит перенес сюда (1326 г.) общерусский церковный престол.

Калита укрепил кремлевский холм, вздымавшийся над слиянием рек Неглинной и Москвы, крепкими дубовыми стенами (1339—1340 гг.) и украсил свою столицу первыми каменными храмами. Строительство Калиты как бы отражало политическое и церковное усиление города: митрополичий Успенский (1326 г.) и княжеский Архангельский (1333 г.) соборы, храм Спаса на бору (1330 г.), сложенные из белого камня, стремились подражать архитектуре древнего Владимира, отпрыском которого была Москва. Среди соборов возвышался каменный храм-колокольня Иоанна

Лествичника (1329 г.). Так Москва Калиты получила свой величавый кремлевский центр. Белокаменные храмы и башни бревенчатых стен Кремля поднимались над московским посадом, выраставшим к востоку. К северу и к югу среди лесов и полей лежали княжеские слободы.

Здесь было много ремесленников и торговцев, вклады вавших свой труд в строительство города и его культуры. Иван Калита стяжал похвалу современника тем, что при нем «престаша поганые воевати русскую землю и закалати христиан, и отдохнуша и упочинуша христиане от великоя истомы и многия тягости и насилия татарского, и бысть оттоле тишина велика на всей земли». Под сень этой «великой тишины», под защиту Московского Кремля сходились ремесленники и мастера; через купцов далекого Сурожа Москва завязывала торг с Западной Европой. Москва Калиты уже стягивала к себе лучшие культурные силы Руси: зодчими ее первых храмов были, возможно, тверские мастера, приведенные в Москву после разгрома тверского восстания 1327 года. Мастер Борис-римлянин лил колокола для храмов Москвы и Новгорода. В княжеской казне копились произведения ювелирного искусства: Калита оставил наследникам золотые цепи и расшитые драгоценными камнями пояса, кубки и блюда. В имуществе князя Симеона Гордого были изделия московских мастеров: ювелир Парамша сделал замечательный оклад княжеской моленой иконы. При Симеоне построенные Калитой храмы были украшены фресками (1344—1346 гг.); на ряду с греческими живописцами, вызванными митрополитом Феогностом, над росписью храмов работала русская артель живописцев мастера Захарии и превосходящая ее по мастерству артель русских учеников греков Гойтана, Семена и Ивана.

Незаметно, но целеустремленно продолжали работу Калиты его сыновья Симеон Гордый и Иван Красный. Московский посад неудержимо рос, образовав поселки Заречья и Загородья; усложнялись отношения общественных сил столицы. Крамольное боярство убило любимого вождя горожан — тысяцкого, и москвики ответили грозным восстанием, заставившим заговорщиков покинуть Москву. Сложной была и международная обстановка деятельности преемников Калиты. Они приняли участие в борьбе с усилившейся агрессией Литвы, немцев и шведов на западных границах. При них в самой Руси все настоятельней нарастала борьба за общерусскую гегемонию; оправляясь от удара Калиты Тверь, единству Руси угрожали окрепшие великие княжества Нижегородское и Рязанское. Но московские князья в трудном деле созиания Руси имели могучую опору —

церковь. Митрополит Алексей в малолетство Дмитрия Донского держал в своих крепких руках бразды московского правления. По его инициативе был расширен Московский Кремль и созданы его белокаменные стены (1367 г.). В конце века началось сооружение рва от Кучкова поля.

Кремль обеспечил стойкость Москвы в тяжкие годы военных испытаний XIV—XV столетий. Литовская армия Ольгерда дважды была вынуждена отступить от Москвы (1368 и 1370 гг.).

Осада Москвы Тохтамышем в 1382 году вновь показала силу московской крепости. В отсутствие князя и митрополита москвичи заперлись в Кремле и сожгли свои деревянные жилища вокруг его стен: татарская орда топталаась на свежем пепле грандиозного пожарища. Со стен Москвы их встретил огненный бой и град стрел и камней из арбалетов и метательных машин. Осада была безнадежной, и лишь предательство отворило ворота Москвы. Кровавым смерчем ворвались татары в город, избивая горожан, грабя и поджигая жилища и храмы, заполненные до сводов книгами, громя сокровищницы богачей и знати. «И бяше дотоле прежде видети было Москва град велик, град люден, град многочеловечен... — пишет летописец, — и паки в едином часе изменися видение его, егда взят бысть и посечен, и пожжен: и ничего его видети, разве токмо земля и перстъ, прах, попел, трупъя мертвых многа лежаща... от поганых насильства церкви стоять, не имуще лепоты ни красоты...» Однако уже в начале XV столетия хан Едигей должен был ограничиться откупом, не рискуя вновь осаждать богатую и сильную Москву (1408 г.).

Белокаменный Кремль эпохи Донского был еще более прекрасен, чем во времена его деда.

Митрополит Алексей выстроил храм своего монастыря (1365 г.), посвященный архангелу Михаилу — древнему покровителю великих князей. В 1397 году был построен придворный Благовещенский собор, связанный по старой традиции переходами с дворцом. В 1393 году вдова Донского, великная княгиня Евдокия, в память Куликовской битвы построила на своей половине дворца «зело чудную» церковь Рождества Богородицы; сузdalская княжна по происхождению, Евдокия любила древние храмы своей родины: ее московская церковь с круглыми каменными колоннами напоминала блестящий дворцовый храм Андрея Боголюбского. Искусство Москвы второй половины XIV века хранило верность великим художественным заветам владимирского искусства. Москва перенесла к себе и его чтимую святыню — великолепную икону Владимирской Богоматери:

ее заступничеству приписывала народная молва отвращение нашествия Темир Аксака (1395 г.).

В постоянном напряжении войн Москва росла и крепла, вызывая глубокое сочувствие народных масс. Даже из враждебных Рязани и Нижнего уходили в Москву лучшие люди. Старец Прохор из нижегородского Городца принял расписывать московские храмы. Мамаево побоище было воспето рязанцем Софонием, дерзнувшим оживить для прославления Москвы величественный стиль «Слова о полку Игореве». Ореол воинской славы Донского уже в конце XIV столетия сиял подобно нимбу святого в его «Житии».

Куликовская победа окрыляла творческую мысль, и рядом со священными традициями Владимира в московском искусстве зазвучали новые голоса раннего «русского Возрождения». Здесь, после своих новгородских трудов, работал на росписи храмов великий старец Феофан Грек. Он познал прониженным умом свою новую родину, проникся гордостью ее побед и любовью к Москве. Ее панораму он изобразил в росписи храма Михаила Архангела (1399 г.) и на стене каменных палат героя Куликова поля князя Владимира Андреевича. Красота Москвы была символом ее силы. Феофан Грек отдал весь свой мудрый дар умножению этой красоты. Его кисть украсила стены княгининой церкви Рождества (1395 г.) и Благовещенского собора (1405 г.). Он с невиданным ранее великолепием расписал великолепный терем. Сложные темы апокалиптических пророчеств и торжественные генеалогии библейских царей были волнующим и новым содержанием его искусства. В умах русских писателей и ценителей красоты Московский Кремль уподоблялся по своему величию храму константинопольской Софии — в этом сознании был первичный кристалл рожденной столетием позже гордой политической теории Москвы — «третьего Рима».

И Москва не только теоретически готовилась стать преемницей Византии и ее всемирноисторического значения. Рядом с Феофаном Греком работали его русские сотрудники — Симеон Черный и старец Прохор из Городца, вместе с ними под обаянием Феофана рос и трудился молодой инон Андрей Рублев. Он принял из старческих рук великого грека его гениальное искусство. Он умножил полученное наследство безмолвным ученичеством у древних росписей владимирских храмов и претворил патетическую страсть Феофана в углубленную и созерцательную лирику своих творений.

Византия жила последние годы, дни Константинополя были сочтены, угроза владычества «нечестивых агарян» —

турок — нависала над столицей православия и славянским миром Балкан. Почти одновременно с победой Руси на Куликовом поле, в 1389 г., армия султана Мурада нанесла страшное поражение сербам в битве на Коссовом поле. В Москву, под высокую руку ее властителей, идут книжники и художники, чтобы вложить свою лепту в рост ее славы. Болгарином был митрополит Киприан. Произведения афонского выходца Пахомия-серба пришли кстати Москве, уже проявившей вкус к риторической и холодноватой торжественности литературного стиля. Уточченное, велеречивое «плетение словес», характерное для сербской церковной литературы XIV столетия, было возведено в канон русским писателем Епифанием Премудрым. Серб Лазарь соорудил на княжеском дворе Кремля удивительные часы, а его соотечественники приняли участие в развитии русской архитектуры начала XV века.

Как бы предваряя огромную литературную и историческую работу XVI столетия, при митрополичьем дворе на протяжении XIV и начала XV столетий создаются обширные летописные своды, сливающие историю феодальных княжеств в единое повествование общерусского характера. Труд митрополита Петра — свод 1305 года — нашел продолжение в «Летописце великом русском» митрополита Киприана и «Владимирском полихроне» митрополита Фотия (1418 г.). Помимо местных летописей, в свод включались народные сказания и повести о русских богатырях, образуя еще пеструю ткань, в которой местные тенденции начинали уступать усиливающейся мысли о единстве русской истории.

Сила Москвы едва не погибла в кровавой и длительной усобице, поднятой сыном Донского князем Юрием Звенигородским в первой половине XV века. Он хотел разделить Москву «натрое» между своими сыновьями и освободить смиренные Донским силы феодального дробления. Он умер в год захвата московского престола (1434 г.). Москва вернула к власти ослепленного Юрием Василия Темного: посад, в прошлом спугнувший своим гневом бояр — убийц тысяцкого Хвоста, прочно связал себя с объединяющей волей московского княжего рода.

Сильный трудами предков вступил на московский престол Иоанн III. На его долю выпала величественная задача завершения здания объединенного русского государства и подавления его врагов — вырождающихся в раздорах татарских ханств и феодальных сил внутри страны. Символом этой строительной работы была Москва, глубоко значительными и символичными были притязания ее князя. Москва была провозглашена «третьим Римом»; ее история связы-

Рис. 48. Ростов-Великий. Кремль. Церковь Воскресения

Рис. 49. Ярославль. Церковь Ильи-Пророка

Рис. 50. Ярославль. Церковь Иоанна Златоуста в Коровниках

Рис. 51. Ярославль. Церковь Николы Мокрого. Деталь крыльца

лась с древней историей Европы. Византийский герб — двуглавый орел — стал русским государственным гербом. Брак Иоанна III с византийской принцессой Софией Палеолог подчеркивал осознанную Москвой всемирноисторическую миссию России.

Иоанн III начал невиданное по размаху строительство, русской столицы. Рядом с лучшими мастерами русской архитектуры — зодчими Пскова, Ростова, Твери в Москве работали вызванные из Италии инженеры и архитекторы. Каждый вносил свое умение и знания в строительство Москвы. Оно началось с устройства каменных палат митрополичьего двора и коренной перестройки старых кремлевских храмов: они были слишком скромны для новой Москвы.

Но и в своем величии она не забывала своего прошлого; по указанию московского князя и митрополита, архитектор Аристотель Фиоравенти совершил поездку по Руси. Он посетил Владимир и видел его памятники. Построенный им Успенский собор Кремля (1475—1478 гг.) (рис. 54) сочетал в себе парадный облик Успенского собора во Владимире с ренессансным пониманием разработки фасадов и внутреннего пространства: его не дробили хоры, круглые столбы создавали ощущение простора и праздничной широты большого светлого зала. Сравнивая его с низким и темным собором Спаса на бору, современники наглядно воспринимали величие пути, пройденного Москвой со времен Калиты.

Рядом с Успенским собором, на старых основаниях храма XIV столетия, псковские зодчие воздвигли Благовещенский собор (1485 г.), поднятый на живописной аркаде каменной террасы и сохраняющий внутри традиционные хоры, связанные с государевым дворцом. Итальянский зодчий Алевиз Новый облек третий храм Кремля — собор Михаила Архангела (1505—1509 гг.) в пышный ренессансный наряд перенеся на его фасады итальянские декоративные приемы.

Из сложного состава зданий княжеского дворца выделялась своим обликом Грановитая палата — парадный зал государя, построенная итальянцами Марко Руффо и Пьетро Солари (1487—1491 гг.). Здесь происходили церемонии приемов послов, торжества поставления митрополитов и патриархов, заседания земских соборов (рис. 55). Строили каменные палаты и жившие в Кремле вельможи Ховрины. Купец Таракан соорудил каменное жилье у Фроловских ворот, у Боровицких ворот жили итальянские зодчие Петр Антоний и Аристотель Фиоравенти. Новые здания объединял высокий столп колокольни Ивана Великого, сооруженный

в 1505 году Боном Фрязином на месте церкви Иоанна Лествичника, построенной при Калите.

Одновременно с реконструкцией кремлевского архитектурного ансамбля Иван III произвел постройку новых стен Кремля. Общий замысел фортификационного плана принадлежал Фиораванти, над его реализацией работали другие итальянские зодчие. Работы были начаты с наиболее угрожаемого от «татарского прихода» направления. В 1485—1487 годах Антон Фрязин и Марко Руффо поставили башни и стены южной стороны кремлевского треугольника. В 1490—1492 годах Пьетро Антонио Солари создал его восточную линию от Свибловской до Никольской башни. В 1494—1510 годах инженер Алевиз провел наиболее сложную часть строительства — сооружение западной стены по топкому берегу Неглинной и мощеного камнем рва с запрудами со стороны Красной площади. Замок московских государей с его зубчатыми стенами и мощными башнями оказался опоясанным водой; его ворота с подъемными мостами и отводными башнями, дубовыми створами, окованными железом, и падающими сверху железными решетками были неприступны; высота стен, защищенных огнем с башен, исключала возможность штурма при помощи осадных лестниц. Мысленно отбрасывая шатровые верхи башен, надстроенные в XVII столетии, можно представить себе первоначальный облик Московского Кремля, исполненный суровой воинской мощи и величия. Его боевые стены служили как бы строгой рамой, подчеркивавшей красоту живописного ансамбля златоглавых храмов и дворцовых зданий, расположенных на Кремлевском холме. В этом сочетании храмов и крепости ярко выявлялась роль Кремля как политического и церковного центра страны. За Неглинной и в Замоскворечье была очищена от застройки стосаженная полоса; по берегу Москвы-реки был разбит большой сад. Теперь можно было отовсюду окинуть взором весь Кремль (рис. 56).

В ансамбле Кремля нашла монументальное выражение идея величия объединенного русского государства и самостоятельности его пути. На его красоту смотрели исподлобья переведенцы из покоренного Новгорода и Пскова, поселенные за Кучковым полем (современная площадь им. Дзержинского), на взгорьях Неглинной. Рядом с ними жили московские пушечные мастера и кузнецы — творцы победоносного московского оружия. Далее сквозь гущу домишек посада стремилась к Кремлю и от него на север, к Новгороду, вымощенная белым камнем Тверская дорога — путь царских поездов и послов.

Самобытность русского искусства и своеобразие великого города подчинили своему могучему обаянию дух итальянских зодчих; из их рук вышли поразительно своеобразные шедевры русской архитектуры. Освященное древностью пятиглавие храмов, их величественная неподвижность и спокойствие утверждали прочность выкованной веками художественной традиции. Их духу отвечало искусство великого живописца конца XV — начала XVI века Дионисия и его школы. Достойный преемник высокого наследия Феофана Грека и Андрея Рублева, Дионисий с тою же силой и яркостью выразил новые идеи своего времени: царственного благоденствия и праздничного торжества победившей Москвы. Величавым спокойствием и аристократической утонченностью проникаются персонажи священных событий; драгоценные ткани одежд и холодноватая гамма голубых, фиолетовых и розовых тонов усиливают церемониальный характер искусства Дионисия. Он выступает уже не один, вокруг него группируются сыновья и ученики, до нас доходят многие имена русских живописцев. В загадочных фрагментах росписи Благовещенского собора начала XVI века слышатся отзвуки итальянского Возрождения. Вместе с итальянскими инженерами и оружейниками привозят с Запада «органиного игреца»; учившийся в Париже и в Северной Италии Максим Грек был одним из ранних представителей гуманизма на Руси.

Возбужденные эпохой Иоанна III творческие силы народа не могли исчерпаться лишь в развитии стародавних традиций. Русское искусство искало новых путей и новых идеалов красоты.

Уже в XV веке зодчих увлекала своей искренней простотой и естественной силой деревянная архитектура с ее суровыми и выразительными бревенчатыми столпами шатровых храмов. Взлелеянные народом идеалы овладевали воображением строителей. Долгий путь исканий и неудач предшествовал гениальному итогу — построенной в 1532 г. церкви Вознесения царского подмосковного села Коломенского. Стремительный взлет ее каменного шатра делал почти незримой завершившую храм церковную главку с крестом. Это был не столько храм, сколько горделивый феодальный символ, торжественныйobelisk, предвещавший рождение московского единодержавия. Оно мыслило себя властью победившего врагов народа, и Коломенский «столп» был глубоко пронизан этим сознанием. Из московорецкого холма как бы вырастали его галереи, скрывавшие в своей тени мощные цоколи здания и подчеркивавшие силу его движений вверх. Оно выражало не столько религиозную идею

«Вознесения», сколько идею неудержимого физического роста гигантского белоснежного кристалла, острая вершина которого напрягла и растянула наброшенную на нее рукой зодчего каменную сетку (рис. 57).

Более сдержан и строг был храм соседнего царского села Дьякова, сооруженный Иоанном IV в 1547 году в память своего венчания на царство. Те же формы деревянной архитектуры лежали в основе замысла его четырех «столпов», соподчиненных в строгой симметрии высокой башне среднего храма. Та же идея органического нарастания сложных декоративных форм руководила творческой мыслью зодчих. Их сдерживала лишь церемониальность самого назначения здания. Вместо шатров столпы были завершены полусферическими куполами, потушившими нараставшее в композиции столпов мощное движение. Зодчие гениально соединили в органическое целое противоположные формы: торжественное пятиглавие кремлевских соборов с динамикой «столпов» (рис. 58).

Венцом шатрового строительства первой половины XVI века был собор Василия Блаженного (1555—1560 гг.) (рис. 59) — памятник победы над Казанским ханством, вынесенный Грозным за стены Кремля в гущу многолюдного торга на Красной площади. Царь обращал свой храм к ликующей Москве и славившему победу народу. Русские зодчие — Барма и псковский мастер Постник Яковлев — вложили в это творение весь свой неистощимый и бесконечно своеобразный талант. Центральный храм, увенчанный высоким шатром на причудливой звездчатой основе, подчинял себе восемь придельных храмов, расположенных в живописной композиции на высокой платформе и связанных открытыми балконами галерей и переходов. Каждый из храмов был не похож на соседний — мастера как бы играли богатством своей архитектурной палитры. Порталы то искрились тонким рельефом ренессансных мотивов, то обрамлялись круглыми медальонами, подражавшими в камне бревенчатым торцам. Красный кирпич и белый камень деталей в сочетании с ослепительным сиянием белого железа покрытий были первоначальной гаммой памятника. Он поражал скульптурной многогранностью и красочностью своих наружных форм. Напротив, внутри он был тесен и неудобен, его придельные храмы даже не были расписаны.

Храм Казанской победы не был похож на храм Коломенского: он был пестр и праздничен, причудлив и прихотлив, как русская сказка. Но оба памятника роднило выраженное в них глубоко земное и чуждое мистики отношение зодчих к композиции храма: если храм Коломенского рос из

земли подобно холодному кристаллу, то пучок столпов Василия Блаженного поднимался к небу подобно гигантскому растению, обязанному своей красотой только земле.

Когда строился Василий Блаженный, московский посад, выросший к востоку от Кремля, был уже охвачен новой кирпичной стеной Китай-города, с валом и рвом, построенной Петроком Малым в 1534—1537 годах. Ее красный пояс своими концами примыкал к угловым башням Кремля и прикрывал Большой посад: рынок Красной площади, торговые ряды и склады, дворы бояр, купцов и ремесленников, подворья дальних монастырей, конторы иноземных торговцев. Здесь и за Китайгородской стеной строились посадскими людьми маленькие, уютные одноглавые храмы (церковь Трифона в Напрудной, Николы в Мясниках и другие), резко отличные как от торжественных храмов Кремля, так и от шатровых гигантов Москвы. Они напоминали скорее церковные постройки псковских горожан или новгородские уличанские храмы, с их мудрой простотой и скромностью.

Как здесь, так и в остальных областях строительства Москва росла на почве векового опыта соединенных ею русских земель; она следовала лучшему и воскрешала незаслуженно забытое. Московский митрополит Макарий свел в национальный пантеон областные культуры и создал грандиозную энциклопедию русской церкви — Великие Минеи-Четы. «Книга степенная царского родословия», и «Лицевой летописный свод», украшенный тысячами миниатюр, были подобными же историческими энциклопедиями, выдигавшими провиденциальную роль царственной Москвы и рода ее князей. В этом заостренном сознании своей связи с прошлым коренился и творческий интерес к обобщению и возрождению его лучших традиций и в области искусства и зодчества.

Рядом с первым руслом русского Возрождения, бравшим свои истоки в величественной и парадной архитектуре древнего Владимира, шло второе русло художественного развития, обращавшееся к возрождению в камне форм народного деревянного зодчества. Этот поток начисто отрывал мысль художников от отживших норм византийской эстетики и утверждал новые национальные идеалы красоты. Однако Москва лишь завершала этот процесс, он шел из глубины монгольского периода, оставил такие вехи, как Троицкий собор XIV столетия в Пскове, созданный мастером Кириллом, как гениальный предшественник столпов Дьякова — церковь Григория в новгородском Хутынском монастыре (1535 г.), построенная тверским зодчим Ермоловой. Тем не менее, блестящий расцвет шатровой архитектуры первой

половины XVI века был подлинным скачком в эволюции древнерусского зодчества, прорывом форм народного искусства в монументальную каменную архитектуру феодальной церкви.

Вторая половина XVI столетия завершила оборонное, строительство Москвы созданием двух наружных поясов стен. В 1586—1593 годах горододелец Федор Савельевич Конь поставил каменную стену Белого города длиной до 9 километров с 28 башнями, охватившую ближние к Китайгороду посады, а в 1591 годах был поставлен «град древян окрест всех дальних посадов», включивший в свое огромное 14-километровое кольцо также и Замоскворечье (сюда из его 58 башен выходили 2 каменные башни — Серпуховская и Калужская, обращенные к югу, откуда угрожали татары). За его черту еще в XIV веке выдвинулись монастыри-крепости Андроньев и Симонов (рис. 60). В их линию встал в конце XV столетия Новоспасский монастырь, а в XVI — крепости Новодевичьего (1524 г.), Данилова (1560 г.) и Донского (1593 г.) монастырей (рис. 61). «Нераздельность сил в древней России выражалась и в ста-ринном Кремле Московском: если ряд загородных монастырей представлял около столицы ряд укреплений, то Кремль, царственный замок, жилище великого государя, представлялся большим монастырем, потому что был наполнен большими, красивыми церквами, среди которых, как игуменские кельи в монастыре, расположен был царский дворец» (С. М. Соловьев).

Кольцо московских монастырей как бы символизировало ту мощную оборонительную систему, которую создал XVI век по рубежам страны. Старые крепости, сторожившие частные интересы отдельных княжеств, включились в пояс государственной обороны России. Его важнейшими звенями на востоке были Нижний-Новгород (1500—1508 гг.) и Казань, Смоленск (1596—1600 гг.) и Псков — на западе, а в южные степи врезалась засечная черта.

По признанию Флетчера, Москва в конце XVI века пре-
восходила Лондон своей величиной: тем более был несрав-
ним своеобразный и красочный ансамбль Москвы. Как гран-
диозная сказочная панорама открывалась русская столица с окружающих высот. Описывая набег крымских татар 1591 года, московский патриарх Иов рассказывает, как хан Казы Гирей поднялся на Воробьевы горы. «Оттуду же узре окаянный царь красоту и величество всего Царствующего града, и великие каменноградные стены, и златом покровен-
ные и пречудно украшенные божественные церкви и цар-
ские великие досточудные двоекровные и триковные пала-
ты». Татар встретила канонада «из великих огнедыхающих

пушек... со всех стен градных и изо всех обителей», т. е. со стен и башен подмосковных монастырских крепостей.

Теперь Москва имела 120 крепостных башен и поражала современников своим величественным обликом. За десять верст от Москвы в дымке дали уже мерцало, «как некий неясный образ», золото главы надстроенной Годуновым башни-колокольни Кремля — Ивана Великого.

К концу XVI века в основных чертах сложилась своеобразная топография города с его кремлевским центром, поясами стен Китай-города, Белого города и Скородома, с лучами главных улиц — дорог к важнейшим городам страны. Красная площадь была главным московским рынком, здесь шумело многолюдное торжище, на котором встречались иноземные купцы и крупные московские гости, крестьяне и ремесленники. Они определяли и лицо города, его улицы и урочища; их названия порождались самой жизнью: Мясницкая, Бронная, Ордынка, Хамовники, Гончары, Пущечная, Кузнецкий мост, Кадаши, — в каждом имени звучало напряжение народного труда, виднелся сложный переплет международных связей города. Китай-город был Большим посадом, городом торговой и феодальной знати. Белый город вмещал жилища ремесленного и торгового люда, откidyвая в черту Земляного вала городскую и служилую мелкоту, а за ним начиналась настоящая деревня — царские слободы и угодья и пригородные села. На юге, в петле Москвы-реки, сбилось беспокойное население Замоскворечья, здесь, кроме царских слобод, шли поселки уже мирных татар, на Ногайском дворе торговали конями, а в XVII веке лицо этой части города определяло купечество. Эта старая Москва лежит сейчас глубоко под асфальтом современных улиц. Археологические наблюдения во время строительства метрополитена, пересекшего город вдоль и поперек своими туннелями, уловили многообразные следы старой Москвы: остатки стен Белого города, монастырские и церковные кладбища с белокаменными надгробиями, колодцы с затонувшими кувшинами и топорами, следы жилищ горожан и опричного дворца Иоанна IV и т. д.

Красочный и сложный образ Москвы XVI века остался в сознании русского народа символом высокого подъема его, надежд, воплощением его мечты о могучей и свободной родине. Они стали особенно острой в конце XVI века, когда усиление крепостнической эксплоатации и закабаления подняли гигантскую волну крестьянской войны начала XVII века. Во внутреннюю ожесточенную борьбу вмешались западные соседи России, вторгшиеся в ее пределы, захватившие Москву и осквернившие сердце города — Кремль: «В Крем-

ле, на царском дворе, в святых божиих церквах, и в пала-
тах и по погребам — все стояху литва и немцы и все свое
скаредие творяху». Северные города стали во главе народ-
ных ополчений, освободивших Москву в 1612 году.

Испепеленный город воскресал еще более прекрасный, чем прежде, но его жизнь наполнялась напряженной борь-
бой горожан с растущей силой и гнетом феодально-крепост-
нического государства. История Москвы XVII века есть по
преимуществу история городских восстаний; они определили
углублявшийся раскол русской культуры и искусства между
рвущимся вперед народного творчества, питавшим-
ся культурными и художественными идеалами XVI столетия,
развивавшим и совершенствовавшим его прогрессивные на-
чинания, и культурой помещиков-крепостников, стремившей-
ся упрочить ветшавшее здание их власти ретроградными
мероприятиями в области духовной жизни и силой жестоких
репрессий. Но обе борющиеся стороны черпали свои идеи
в прошлом: Москва Иоанна III и Грозного была тем знаме-
нем, вокруг которого шла борьба. Народные исторические
песни овеяли любовной памятью имя царя Ивана Василье-
вича: он был «грозой» бояр; роскошный храм Василия
Блаженного, обративший свою сказочную красоту к народу,
стал его идеалом.

Напротив, церковь отвергала, как вредное уклонение со
старозаветного пути, излюбленную народом форму шатровых
храмов.

Жизнь шла вперед; возникала жизненная необходимость
развития просвещения в стране, уже задыхавшейся в своей
религиозной и политической изоляции. Вместе с этим теряли
почву и отрывались от жизни официальные художественные
и церковно-политические теории. В этом заключалась осно-
ва двойственности и противоречивости XVII века — предше-
ственника нового времени и последнего столетия «царствен-
ной Москвы». «Эпоха преобразований подготовлялась тем,
что, не трогая старого, приставляли к нему новое»
(С. М. Соловьев).

Стремясь подчинить себе искусство, крепостническое го-
сударство создало крепостническую организацию его мастеров. Лучшие зодчие и строительные мастера подчинялись
Приказу каменных дел, лучшие живописцы и ювелиры были
сосредоточены в кремлевской Оружейной палате, основан-
ной еще в 1511 году и ставшей в XVII веке первой русской
Академией Художеств. Но и из этих рамок, казалось бы
обеспечивавших мелочную регламентацию мастеров, выры-
вался бурный и ищущий поток их творчества.

«Царские живописцы» конца XVI и первой половины

Рис. 52. Ярославль. Церковь Иоанна Предтечи в Толчкове

Рис. 53. Ярославль. Церковь Ильи-Пророка. Фреска — Сцена жатвы.

Рис. 54. Москва. Аристотель Фиоравенти. Успенский собор

Рис. 56. Москва. Кремль. Часть стены

Рис. 55. Москва. Марко Руффо и Пьетро Солари. Грановитая палата. Интерьер

Рис. 57. Коломенское. Церковь Вознесения

XVII века создали многочисленные иконы, подобные ювелирным произведениям по тонкости своей золотой отделки и изысканному изяществу, граничащему с формализмом и упадком; часто драгоценный оклад скрывал икону, оставляя лишь темный лик и руки. Нарочитой архаикой дышит роспись Успенского собора 1642—1643 годов. Но рядом с этим, по идее Годунова, создается в конце XVI века интереснейшая роспись Грановитой Палаты и ее сеней. Изображенные здесь библейские сюжеты утверждали мысль, что «Господь сил с царями православными»; рядом с темами священной истории живописцы создали сложные сцены легенды о происхождении московских государей от римских кесарей и византийских императоров; к этому «бытейскому», т. е. историческому «письму» принадлежал также групповой портрет царя Федора Ивановича вместе с Борисом Годуновым. При оружичем боярине Б. М. Хитрово в самой Оружейной палате появляются иноземные портретисты, пишущие вполне реалистические «парсуны» знатных заказчиков. Колеблясь на грани между отвлеченным искусством прошлого и реализмом, творит царский мастер Симон Ушаков, едко и грубо осмеянный ревнителем старины протопопом Аввакумом. Обнаженные статуи, поставленные английским зодчим Христофором Галовеем на надстроенной им Спасской башне Кремля, пугают своей греховностью москвичей: их облекают в специально сшитые «однорядки». Книгопечатание, заведенное в Москве еще в 1563 году с царского соизволения дьяконом кремлевского собора Николы Гостунского Иваном Федоровым, и развитие гравюры на водяно московский рынок в XVII веке не только церковной литературой, но и народным лубком, вызывавшим тревогу своей бесхитростной правдивостью и остротой, с какой «развернувшись» изображали церковные сюжеты доморощенные граверы. Лубочными картинками и западными гравюрами бойко торговали на мосту той же Спасской башни, выводившем на Красную площадь; здесь же можно было купить рукописные тетради с язвительными памфлетами на нравество и пороки духовенства, облеченные в форму церковных служб. Внутренний мир человека с его страстями и противоречиями, его психология вызывают интерес безымянных писателей XVII века и их читателя.

Нарастающему брожению умов противостоят церковь, создающая свои центры просвещения и ортодоксального образования. В северо-восточном углу Китай-города были расположены правительственные просветительные учреждения: Печатный двор с первой государственной библиотекой — «государевой книгохранительной палатой» и первая высшая

школа при Заиконоспасском монастыре, связанная с именами литераторов Епифания Славинецкого и Симеона Полоцкого, а впоследствии и с великим учеником этой славяно-греко-российской Академии — М. В. Ломоносовым.

Так в борьбе противоположных начал, старого и нового, официального и народного, строилась культура Москвы XVII века. То же сплетение и столкновение их наполняет красочной жизнью каменную летопись города — его архитектуру. После тяжкого «лихолетья», перенесенного городом в борьбе с иноземными захватчиками, с новой силой пробуждается любовь к жизни и многообразной красоте Москвы. В XVII веке не строят новых каменных укреплений, только в 1633—1640 годах по черте годуновского Скородома возводятся валы, рвы и острог Земляного города. Старые же крепостные стены начинают украшать надстройками, смягчая их грозный воинский облик. Башни Кремля, потерявшиеся в широте города, вышедшего далеко за старые границы, увенчиваются высокими шатрами разнообразных форм и пропорций, они прочно связывают его с живописной группой столпов Василия Блаженного. Но и этот памятник Казанской победы не обходит декоративный гений века, он покрывается многоцветной росписью, еще более уподобляясь гигантскому растению, подъемлющему в небо причудливые спелые плоды глав. Площадь торга замыкала с востока сложный фасад гостиного двора с его двух- и трехкровными верхами, сверкающий белокаменной резьбой и цветной поливой изразцов. Так площадь центрального московского торга стала «Красной», т. е. «красивой» — воплощением народных представлений о красоте.

Эти идеалы красоты отрицались церковью: патриарх Никон запретил постройку шатровых храмов, как несоответствующих духу православия, и хотел повернуть храмовое зодчество вспять, к ортодоксальной неподвижности пятиглавых соборов. Но архитектура оставалась в руках народных мастеров, и они смогли пронести сквозь рогатки духовной цензуры излюбленные ими формы. Они переносят шатры на «столпы» колоколен, превращая их в великолепные резонаторы колокольного звона, ставят на живописные крыльца папертей, или венчают небольшим шатром обязательную церковную «главу», спаривая и страивая их над «трапезами». Бесконечно разнообразны шатровые колокольни Москвы XVII века — от сочных и материальных форм колокольни церкви Рождества в Бутырках (1682—1684 гг.) до хрупкой, почти кристаллической ломкости иглы церкви Воскресения в Кадашах купцов Добрыниных, прозванной в народе «свечкой» (1687—1713 гг.). Столь же богаты и разнообраз-

ны были в своем целом храмы, созданные в XVII веке. Их строители блистали в каждой постройке широтой своей зрительной памяти, хранившей множество «образцов и переводов» зданий, созданных их отцами и дедами. Над всем этим калейдоскопом форм господствовала каменная сказка о Казанской победе — Василий Блаженный.

Как бы протестуя против сухости и строгости художественных канонов, указанных церковью, зодчие превращают свои храмы в причудливые игрушки, неожиданные по смелой композиции и декоративным приемам. Таковы шедевры старой Москвы — церковь Грузинской Богоматери в Китай-городе, построенная в 1628—1653 годах гостем Никитниковым и украшенная замечательной росписью, предвосхищающей росписи ярославских храмов, церковь Рождества Богородицы в Путинках (1652 г.) (рис. 62), Николы в Хамовниках (1679 г.) и многие другие. Зодчие не довольствуются непосредственной игрой архитектурных форм, усиливая их декоративное звучание раскраской здания и вставкой цветных изразцов. Строитель церкви Григория Неокесарийского в Замоскворечье (1668—1679 гг.) обязывал зодчего Ивашуку Кузнецика «прописати колокольню красками разныя ростески, а где прямая стена — прописать в кирпич суриком, а у шатра стрелки перевить, а меж стрелок обелить, а слухи и закомары и окна прописать разными красками; да у колокольни которое резное дело каменное разветвить и прописать красками». В эту красочную симфонию входил широкий пояс цветных изразцов. В тереме Крутицкого подворья (1682—1688 гг.) изразцы застилали сплошь поверхность фасадов. Множество подобных нарядных храмов было рассыпано щедрой рукой зодчих среди моря деревянных жилищ горожан; народная поговорка исчисляла это «множество» в эпической формуле «сорок сороков».

Парадность и красочность не были особенностью только храмовой архитектуры. Напротив, этими качествами она сближалась со всей архитектурой города. Царский дворец в подмосковном селе Коломенском, срубленный в 1667—1668 годах плотничим старостой Семеном Петровым и плотником Иваном Михайловым Стрельцом, дает представление о том же декоративном богатстве, которым характеризовались деревянные хоромы и жилища Москвы, составлявшие обрамление ее «сорока сороков». Красота и богатое в частности живописное убранство царского дворца послужили предметом вирш Симеона Полоцкого, назвавшего дворец «восьмым дивом света» (рис. 63).

Столь же ярким и своеобразным было творчество московских ремесленников — ювелиров, оружейников, знамен-

щиков, граверов и живописцев. В Москве сосредоточивались произведения прикладного искусства далеких стран Азии и изделия западноевропейских мастеров. Эти «образцы» усложняли и обогащали орнаментальную фантазию русских чеканщиков и эмальеров, создававших сказочно прекрасные драгоценные уборы государей, богатую столовую посуду дворцового обихода, оружие и воинское снаряжение, ослепительные колчаны и шлемы. Декоративный гений русского народа достиг в искусстве XVII века наивысшего расцвета. Шедевры московских ювелиров хранились в Оружейной палате вместе со священным оружием царей и полководцев. Московское искусство славилось далеко за пределами России, а московские мастера работали при иноземных дворах.

Но в этой красочной, причудливой Москве все настойчивее зреали новые силы.

Последнее двадцатилетие XVII века Москва вынашивает элементы новой петровской культуры будущего Петербурга. В подмосковном селе Преображенском маленький Петр начинает учиться воинскому делу со своими «потешными» войсками, строит на Яузе «потешный» флот, внимательно присматривается к обычаям и культуре Иноzemной Слободы. В 1689 году Петр подавляет стрелецкий мятеж, а в 1696 — совершает победоносный поход на турецкий Азов, пробивая выход к Черному морю. Во время заграничной поездки Петра старая консервативная часть Москвы вновь поднимается стрелецким мятежом; взбешенный Петр беспощадно карает бунтовщиков. Он ускоряет «перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства» (В. И. Ленин). «Западничество» первоначально носило внешний и поверхностный характер, не затрагивая глубоко основ культуры. Семена новых веяний, шедших с Запада вместе с пришлыми иноземными зодчими, путями расширяющихся культурных связей Москвы, не были чужды духу московской архитектуры второй половины XVII века: она уже прониклась мятежной напряженностью архитектурного организма, составляющей важнейшую черту великого стиля барокко. Но все же он дал плоды принципиально отличные от того, что знала Западная Европа. Московские мастера восприняли лишь его декоративные приемы и полюбившиеся им своей прихотливостью детали убранства — разорванные фронтоны, кружево орнаментики, переработанные ренессансные мотивы. Но основное — композицию здания — они подчинили своему пониманию. В нарастании восьмериков церкви Покрова в Филях (1693 г.), вздымающей на аркадах раскидистой террасы свои легкие красно-белые ярусы, ясно ончу-

Рис. 58. Дьяково. Церковь Иоанна Предтечи

Рис. 59. Москва. Постник Яковлев и Барма. Собор Василия Блаженного

Рис. 60. Москва. Симонов монастырь. Башня „Дуло“

Рис. 61. Москва. Новодевичий монастырь

тим образ старого Коломенского храма 1532 года (рис. 64). Тот же полет членений стройного архитектурного тела характеризует гениальную колокольню Новодевичьего монастыря (1690 г.). В отличие от пластической мощности и телесности нарядных храмов середины XVII столетия, памятники его конца кажутся подчеркнуто легкими и нематериальными; обилие проемов, тонкая графика выделенных белой окраской декоративных деталей, грация пропорций сообщают последним созданиям древней Москвы нечто мистическое и вместе с тем манерное.

Капитальная перестройка России захватывала Москву все глубже. Петр пытается внести европейский порядок в планировку Москвы, превратить «кривоколенные» переулки в «регулярные» улицы. Его рука проводит церковную реформу, патриаршество сменяет Синод — светская канцелярия по духовным делам. В Москве множатся промышленные предприятия; открываются школы точных наук; в Сухаревой башне «навигацкая школа» готовит людей для петровского флота в Балтике. На смену «каменных дел подмастерьям» с их взглядом, обращенным неизменно назад, к образам русского прошлого, идут зодчие, сочетающие широкий архитектурный кругозор с новыми методами науки «архитектуры цивилис». Они нужны для стройки Санкт-Петербурга, — ради нее прекращается строительство по всей стране, даже в Москве.

Один из первых петровских пенсионеров Иван Зарудный построил в Москве церковь Архангела Гавриила (Меншикова башня, 1704—1707 гг.) (рис. 65). Храм с великолепным мотивом огромных волют, подпирающих мощное башнеобразное тело здания, завершающееся острым шпилем, был как бы пророчеством о новых архитектурных идеалах. Великую «полтавскую викторию» 1709 года Петр празднует в Москве, он пирует в Грановитой палате дедов; его триумф — конец древней русской столицы, которой он воздает последний знак внимания. В 1713 году столицей России объявляется Петербург. Но Москва остается традиционным средоточием русской культуры и искусства.

ЛИТЕРАТУРА

ОБЩАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Грабарь И. Э. История русского искусства, т. I—V, М. 1909 и след.
Некрасов А. И., Древнерусское изобразительное искусство. М. Изогиз. 1937.
Орлов А. С. Древнерусская литература XI—XVI вв. М.—Л.
Соловьев С. М. История России. Тт. I—III, изд. „Общественная польза”.
„Россия”, тт. I—III, IX изд. Девриена. СПб. 1899—1905.

КИЕВ

- Айналов Д. В. Киев—Царьград—Херсонес. „Известия Таврической ученой архивной комиссии” № 57. Симферополь, 1920.
Брунов Н. И. К вопросу о самостоятельных чертах русской архитектуры X—XII вв. „Русская архитектура”. М. 1940.
Закревский Н. Описание Киева. Тт. I—II и атлас. М. 1868.
Каргер М. К. Статьи о раскопках в Киеве. „Краткие сообщения ИИМК—АН СССР”, вып. I, IV, V, VI, X.
Петров Н. И. Историко-топографические очерки древнего Киева, К. 1897.
Сборник „Київ та його околиця в історії і пам'ятках”. К. 1926.
Шероцкий К. В. Киев (путеводитель). К. 1917.
Шмит Ф. И. Искусство южной Руси—Украины. Харьков. 1919.

ЧЕРНИГОВ

- Лашкарев П. А. Церкви Чернигова и Новгород-Северска. „Труды XI археол. съезда”, т. II, М. 1902.
Лукомский Г. К. О происхождении форм древнерусского зодчества Чернигова. СПб. 1912.
Макаренко М. Чернігівський Спас. К. 1929.
Сборник „Чернігів і північне лівобережжя”. К. 1928.

СМОЛЕНСК

- Орловский И. Борисо-Глебский монастырь на Смидыни. „Смоленская старина”, вып. I, ч. I. С. 1909.
Орловский И. Смоленская стена. С. 1902.
Писарев С. П. Княжеская местность и храм князей в Смоленске. С. 1894.

Ширяев С. Д. Памятники барокко и влияние зодчества Москвы в архитектуре Смоленска XVII—XVIII вв. „Труды Смоленских гос. музеев”, вып. I. С. 1924.

Шақаціхін М. Нарисы з гісторыі беларускага мастацтва”. т. I. Менск. 1928.

НОВГОРОД

Диналов Д. В. Византийская живопись XIV в. ГГГ. 1917.

Богусевич В. А. и Строков А. А. Новгород-Великий. Л. 1939.

Бранденбург Н. Е. Старая Ладога. СПб. 1896.

Важнейшие публикации в „Памятниках древнерусского искусства”.

Вып. I—IV. СПб. 1909—1912.

Грабарь И. Э. Феофан Грек. „Казанский музейный вестник”. 1922.

№ 1.

Кондаков Н. и Толстой И. Русские древности. Вып. VI. СПб. 1899.

Некрасов А. И. Новгород-Великий. М. 1924.

Никитский А. И. История эконом. быта Великого Новгорода.

М. 1893.

Фрески Спаса Нередицы. Л. 1925.

ПСКОВ

Васильев А. И. и Янсон А. К. Древний Псков. Л. 1929.

Некрасов А. И. Древний Псков. М. 1923.

Никитский А. И. Очерк внутренней истории Пскова. СПб. 1873.

Окулич-Казарин Н. Ф. Спутник по древнему Пскову. П. 1913.

Романов К. К. Псков, Новгород и Москва. „Известия РАИМК”. IV, Л. 1925.

Рыльский И. В. Гражданское зодчество в Пскове. „Древности”. VI, М. 1915.

ВЛАДИМИР

Артлебен Н. А. и Тихонравов К. Н. Древности Владимиро-Суздальской области. В. 1880.

Бережков Д. Н. О храмах Суздальско-Владимирского княжества.

„Труды Владимирской ученои архивной комиссии”, т. V. В. 1902.

Бобринский А. А. Резной камень в России. М. 1916.

Георгиевский В. Т. Владимир на Клязьме. В. 1896.

Грабарь И. Э. Андрей Рублев. „Вопросы реставрации”. Вып. I. М. 1926.

Кондаков Н. и Толстой И. Русские древности. Вып. VI. СПб. 1899.

Ушаков Н. Спутник по древнему Владимиру и городам Владимирской губ. В. 1913.

БОГОЛЮБОВО

(Кроме литературы, указанной по Владимиру)

Воронин Н. Н. Замок Андрея Боголюбского. „Архитектура СССР”. 1939. № 11.

Его же. Основные вопросы реконструкции Боголюбовского дворца.

„Краткие сообщения ИИМК—АН СССР”. Вып. X!

Доброхотов В. Древний Боголюбов-город и монастырь. М. 1852.

Покров на Нерли (альбом). „Памятники русской архитектуры”. Вып. III.

М. 1940.

СУЗДАЛЬ

- Варгапов А. Д. Статьи о Суздальском соборе. „Краткие сообщения ИИМК—АН СССР“. Вып. V и XI.
Георгиевский В. Т. Суздальский Ризположенский монастырь. В. 1900.
Суздаль. „Труды Владимирской ученой архивной комиссии“, т. XIV.
Ушаков Н. Спутник по древнему Владимиру. В. 1913.

ПЕРЕЯСЛАВЛЬ-ЗАЛЕССКИЙ

- Лукомский Г. О некоторых памятниках старинной архитектуры Переяславля-Залесского. СПб. 1914.
Смирнов М. И. Переяславль-Залесский (путеводитель). П.-З. 1928.
Ушаков Н. Спутник по древнему Владимиру. В. 1913.

РОСТОВ

- Воронин Н. Н. Ростовский кремль. „Из истории докапиталистических формаций“, сборник в честь акад. Н. Я. Марра. Л. 1933.
Павлинов А. М. Древности Ростовские и Ярославские. „Труды VII археолог. съезда“, т. III. М. 1892.
Титов А. А. Ростовский кремль. М. 1912.
Эдинг Б. Н. Ростов-Великий. Углич. М. 1913.

ЯРОСЛАВЛЬ

- Барщевский И. Исторический очерк Ярославля. Ростов. 1900.
Головников К. Д. История Ярославля. Я. 1889.
Первухин Н. Церковь Иоанна-Предтечи в Ярославле. М. 1913.
Его же. Церковь Ильи-пророка в Ярославле. М. 1913.
Его же. Церковь Богоявления в Ярославле. М. 1916.
Павлинов А. М. Древности Ростовские и Ярославские. „Труды VII археол. съезда“, т. III. М. 1892.

МОСКВА

- Бартенев С. П. Московский Кремль в старину и теперь. Тт. I и II. М. 1912.
Воронин Н. Н. Владимиро-Суздальское наследие в русском зодчестве. „Архитектура СССР“, 1940, № 2.
Гейнеке Н. А. и др. По Москве. М. 1917.
Забелин И. Е. История г. Москвы. М. 1915.
Забелин И. Е. Черты самобытности в древнерусском зодчестве. М. 1900.
Красовский М. В. Очерк истории московского периода древнерусского церковного зодчества. М. 1911.
Москва в ее прошлом и настоящем. Т. I—XII. М. (Б. г.).

Рис. 62. Москва. Путинковская церковь

Рис. 63. Коломенское. Дворец

Рис. 64. Москва. Церковь Покрова в Филях

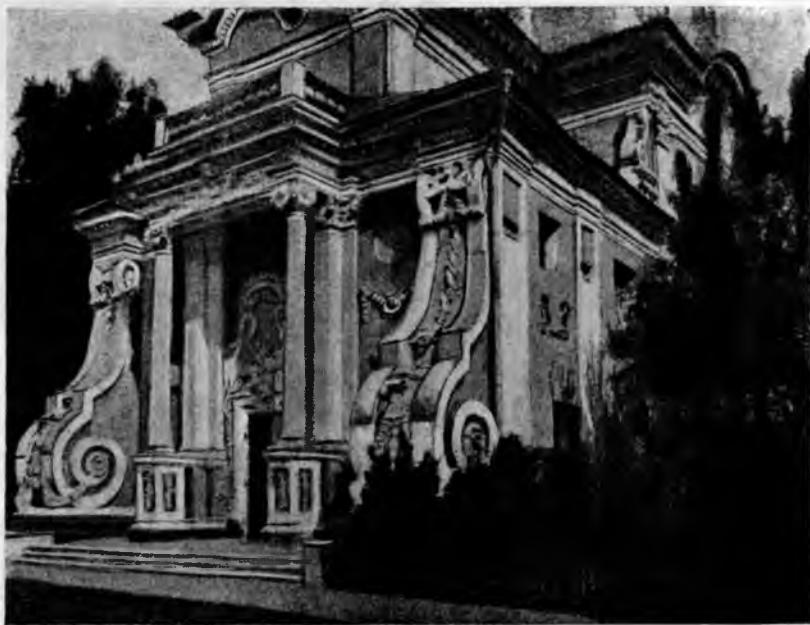

Рис. 65. Москва. Иван Зарудный. Меньшикова башня. Деталь

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр</i>
<i>От автора</i>	5
СТРАНА ГОРОДОВ	
КИЕВ	15
ЧЕРНИГОВ	22
СМОЛЕНСК	28
<u>НОВГОРОД</u>	35
ПСКОВ	45
<u>ВЛАДИМИР</u>	53
БОГОЛЮБОВО	63
<u>СУЗДАЛЬ</u>	67
ПЕРЕЯСЛАВЛЬ-ЗАЛЕССКИЙ	72
<u>РОСТОВ ВЕЛИКИЙ</u>	75
ЯРОСЛАВЛЬ	79
<u>МОСКВА</u>	88 <i>84</i>
<i>Литература</i>	102

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР № 2112*

*Обложка, типульные листы,
заставки, инициальные буквы
и макет книги
художника Н. А. СЕДЕЛЬНИКОВА*

Подписано к печати 7/II 1945 г. А14817.
Печ. л. 6½ + 4 печатных листа иллюстра-
ций. Изд. л. 12,5. Тираж 3000. Цена 18 р.
Первая Образцовая типография треста
«Полиграфкнига» Огиза при СНК РСФСР.
Москва, Валовая. 29.

